

*Каждый выбор
имеет свою
цену*

Разрываемая

ЯСНОВИДЕНИЕ #2

Rosland || Переводы романов

Хейзел Хантер

Экстрасенс Изабель де Грей и специальный агент ФБР Гэвин «Мак» МакМиллан – неожиданная пара. Когда ее мир видений прошлого и его мир профайлинга преступников сталкиваются, напряженные и чувственные отношения быстро вырываются на поверхность. Несмотря на проживание в разных концах страны, раскаленное докрасна желание все равно поглощает их обоих. Хоть Изабель и в восторге от возвращения Мака в Лос-Анджелес, ее счастье подпорчено мрачной реальностью, с которой они должны столкнуться.

Серийный убийца, сбежавший от них, наносит новый удар и похищает другую молодую девушку. Хоть Изабель работает с Маком, он держит их отношения втайне, чтобы сохранить работу. Когда расследование замирает, и необходимость держать все в тайне берет свое, Изабель и Мак пытаются найти возможность двигаться дальше. Несмотря на опаляющую страсть, вспыхнувшую между ними, на пути пару ждут тяжелые решения, и они узнают, что каждый выбор имеет свою цену.

Хейзел Хантер
Разрываемая

Информация о переводе:

Русификация обложки: Rosland

Прентисс практиковал это три дюжины раз. И все равно в его животе порхали бабочки. С живым выступлением всегда так. У тебя есть только один шанс.

Вот и она.

Хоть ковры еще не постелили, новая комната отдыха для хирургов и раздевалки были почти готовы. Прентисс остановил свой выбор на этом помещении довольно быстро, услышав шум ремонта и осознав, что каждый будний день работа заканчивается в четыре часа дня. После этого помещение практически пустовало. Но некоторые студенты-медики, например, как та симпатичная, которая сейчас приближалась, использовали это место, чтобы срезать до крыла учебного госпиталя.

Как и он сам, она была одета в белый лабораторный халат. Но в отличие от него, на ее одежде не было букв M.D.^[1] после ее имени. Анджела Карас еще не была доктором. Он видел, как она взглянула на вышитое на его халате имя: Лоуренс Гарнер, M.D., терапия. Она подарила ему вежливую улыбку, когда они прошли друг мимо друга, и Прентисс позволил своему чемоданчику раскрыться и упасть на пол.

— О! — воскликнула она, когда коллекция карандашей, ручек и рекламных буклетов посыпалась на пол между ними. — Сейчас, — сказала она, наклоняясь над ними. — Позвольте мне помочь.

Игла для подкожных инъекций лежала наготове в кармане его халата. Он посмотрел в обе стороны. Латексные перчатки уже надеты, он практиковался ради этого самого момента.

— Спасибо, — сказал он, склоняясь над нею.

Он быстро вытащил шприц и высмотрел место на ее шее, где он должен попасть в сонную артерию. Если сделать все правильно, метогекситал подействует за считанные секунды. Если нет, седативному средству могут понадобиться минуты. Он обшарил палаты после ухода медсестер и сумел собрать несколько различных таблеток, уколов и пакетов с жидкостью. Он брал все, не будучи уверенным, что это такое. Но быстрый поиск по интернету сообщил, что он сумел найти только одно седативное, хотя и хорошее.

Как он проделывал это дома с апельсином, он быстро ткнул и ввел инъекцию.

— Эй! — Анджела вскрикнула, немедленно отстраняясь и пытаясь встать, но наступив на подол своего же халата.

Прентисс уронил шприц, схватил ее за волосы и быстро зажал ей рот. Используя весь свой вес, он легко пересилил миниатюрную брюнетку, повалив ее на бок и оседлав. Он быстро посмотрел по сторонам, как раз когда она схватилась за его руку, зажимавшую ее рот, и потянула. Мягкие карие глаза выпучились, и Прентисс невольно задался вопросом, не испоганил ли укол. Но она тянула не очень сильно, и хоть и пыталась пинаться, движения получались неуклюжими. С восторженным восхищением он наблюдал, как она плавно сдается. Сначала прекратилось сопротивление, потом ее руки соскользнули с его ладони. И хоть она пыталась держать глаза открытыми, слегка вытаращив их в последней попытке, веки наконец опустились. Прентисс не тратил времени впустую.

Он перекатил ее на живот и сдернул белый халат с рук. Он побежал с ним к ряду шкафчиков в раздевалке позади, бросил на сиденье привезенного сюда инвалидного кресла, подкатил кресло к Анджеле и поставил на тормоз.

Он подхватил ее под плечи, поднял на колени и перебрался, встав перед нею. Он

опустился на колени и низко нагнулся, упираясь плечом ей в живот, когда девушка обмякла вперед. Прентисс встал, держа ее за талию, и поднял. Это выглядело вовсе не элегантно, но он умудрился приподнять ее бедра достаточно высоко, чтобы с тяжелым стуком опустить в кресло.

Перевозное кресло-коляска казалось для нее маловато, но оно сгодится. Он прикатил его сюда по одной-единственной причине — подголовник с ремнями. Ни одна из его вылазок в учебный госпиталь не принесла ему ничего, кроме обычных кресел-колясок, которые использовались для пациентов в сознании.

Прентисс быстро поставил ее ноги на подножки и сложил ладони на коленях. Сзади, снова приподнимая ее за плечи, он устроил ее спину более прямо. Наконец он закрепил ремень безопасности, прижал ее голову к подголовнику и тоже привязал ремнем. За секунды он собрал содержимое чемоданчика, повесил его на одну из ручек и снял кресло-коляску с тормоза.

Прентисс улучил минутку, чтобы перевести дыхание и посмотреть на часы. Три минуты. Превосходное представление, если коротко. Он широко улыбнулся и ощутил давление фальшивой бородки и носового протеза. Без спешки, он развернул кресло и направился обратно туда, откуда пришел.

Несмотря на то, что была уже полночь, Гэвин «Мак» МакМиллан не спал. Он быстро взял телефон и увидел, что звонит Бен. Это не означало ничего хорошего. В Вирджинии уже полночь, но для Бена Оливоса в Лос-Анджелесе рабочий день все равно уже закончился. Даже директор ФБР не работает ночами. Он нажал на кнопку ответа.

— Бен? — сказал он.

— Мак, — раздался знакомый голос. — Прости, что разбудил.

— Нет проблем, — сказал Мак. — Что такое?

Мак не потрудился объяснять, что после времени, проведенного в Лос-Анджелесе, он спал не очень хорошо. Вместо этого нормой стало позвонить Изабель, а потом часами лежать в постели, думая о ней.

— Произошло еще одно похищение, — сказал Бен. — Еще одна студентка.

Мак сел и включил медную лампу, дернув за шнурок.

— Где? — спросил Мак.

— Из госпиталя Университета Южной Калифорнии, она студент-медик.

— Хорошенькая брюнетка, примерно 170 сантиметров роста? — спросил Мак, чувствуя, как напрягаются мышцы плеч.

— Угадал, — ответил Бен.

Мак знал, что для Бена это должно быть непросто. Всего несколько недель назад его дочь чуть не оказалась жертвой серийного убийцы, которого Мак окрестил Священником. Потребовались усилия Мака как профайлера ФБР и дар Изабель как экстрасенса, чтобы найти и спасти дочь Бена.

И хоть Маку было странно думать о способностях Изабель как о чем-то настоящем, он убедился в этом и оказался захвачен. Изящно красивая и невероятно чувственная Изабель де Грей занимала его мысли с того самого времени. Он уже собирался предложить оплатить ей перелет в Вирджинию, но похоже, теперь он сам направляется в Лос-Анджелес.

— Ладно, — сказал Мак, отбрасывая одеяло. — Я сделаю пару звонков и отправлюсь в аэропорт.

— Ты что? — воскликнула Изабель, приходя в восторг от одной мысли о том, что увидит его.

— Это не только ради удовольствия, — сказал Мак.

— О, — она слегка приутихла. — Но все же...

— Мне не терпится тебя увидеть, — сказал он, и его низкий голос звучал почти как рычание.

Она снова широко улыбнулась. В последний раз они виделись всего две недели назад, и это все равно ощущалось как целая вечность.

— Мне тоже не терпится тебя увидеть, — тихо сказала она.

Мак сумел остаться всего на один день после спасения Эсме. Но несмотря на то, что он никогда не бывал в Лос-Анджелесе, он так и не захотел покидать ее квартиру.

— Мне не терпится тебя коснуться, — тихо сказал он.

Образ его обнаженного тела, поблескивающего от пота, мощных мышц, напрягающихся под ней, ощущение его внутри... — меж ее ног хлынуло тепло. Вот почему она не разрешала себе эти воспоминания. Но теперь-то Мак будет здесь уже завтра.

— Мне не терпится быть с тобой, — прошептала она, тщательно избегая слова «коснуться».

Они оба знали, что это невозможно.

— Я не знаю, когда именно завтра, — сказал Мак. — Мы будем в доме семьи.

Изабель моргнула, как будто очнувшись ото сна.

— Доме семьи? — спросила она.

— Произошло еще одно похищение. Похоже на Священника.

По спине Изабель пробежали мурашки. Священник: мужчина, который потребовал, чтобы «экстрасенса» оставили работать над делом; мужчина, который пытал Эсме, дочь Бена и Аниты, чтобы они услышали ее крик; мужчина, который намеревался убить ее, но запаниковал до того, как представилась возможность. И судя по словам Мака, серийный убийца, который пытал и убил предыдущих жертв аналогичным способом. Используя свои способности читать объекты и людей, Изабель видела Священника.

— Изабель? — раздался голос Мака.

— Да? — тихо ответила она. Веселье внезапно ушло, сменившись чувством ужаса.

— Это другое дело, — сказал Мак. — В этот раз у нас более высокие шансы поймать его. Не зацкливайся на этом.

— Точно, — прошептала Изабель. — Не зацкливаться.

Последовала секундная пауза, в течение которой она делала ровно противоположное.

— Ладно, — тихо сказал Мак. — Мне нужно ехать в аэропорт. Увидимся завтра.

Изабель кивнула, хоть Мак и не мог ее видеть.

— Увидимся завтра.

Прентисс толкал ржавую металлическую каталку по широкому, но темному коридору. Фонарь у ног Анджелы освещал путь.

Госпиталь Линда Виста не использовался для лечения уже десятки лет. Вместо этого владельцы здания сдавали его для телевидения и проектов фильма. Он даже подрабатывал здесь несколько лет назад. Преимуществом этого места являлась его относительная изолированность, несмотря на близость к центру Лос-Анджелеса, и к тому же здание ночью выглядело так жутко, что мало кто осмеливался сюда вторгнуться.

Он миновал заброшенный инкубатор для новорожденных — несомненно, забытый реквизит, как и каталка, которую он сейчас использовал. Ему пришлось оставить инвалидное кресло в госпитале УЮК^[2], когда кто-то неожиданно близко подошел к его фургону. Но хорошо было работать с каталкой, просто чувствовать ее. Она то и дело хотела свернуть, и ему приходилось прилагать усилия, чтобы катить ее по прямой.

Вот с чем приходится иметь дело санитарам в больницах? Неудивительно, что они такие крупные.

Он улыбнулся, минуя открытые комнаты, о предназначении которых он мог только догадываться. На многих участках пола отсутствовал линолеум. Кое-где валялись опрокинутые старые металлические стулья. Голый металлический каркас кровати, приподнимавший и голову, и ноги пациента, занимал другую палату. На стенах не хватало кусков обоев или штукатурки. Окна возле лобби были заколочены, но вращающиеся двойные двери, отделявшие друг от друга части длинных коридоров, были открыты. Великолепно. Все ощущалось *совсем* как госпиталь.

Хоть случайность имела место быть, использование церкви в прошлый раз, когда он был священником, определенно добавило всему реальности. Это подняло его игру на новый уровень, и он представил одно из лучших выступлений за всю его карьеру. Лишь одно пошло не так: Изабель де Грей.

Да, она привела к нему СМИ, пресса отчаянно жаждала любой информации о нем. Однако если бы не она, он был получил свое убийство. Всегда должно свершиться убийство. А иначе какой *смысл*?

Его руки крепче стиснули каталку.

Без убийства ему пришлось вновь быстро двигаться дальше. И во всем виновата Изабель де Грей. Он усмехнулся. Для Изабель де Грей у него на уме было заготовлено нечто особенное. Он посмотрел на Анджелу, все еще лежавшую без сознания. *Но всему свое время.*

Мак закончил инструктировать свою ассистентку в машине. Хотя он и держал Бена в курсе всего, включая новую информацию о Священнике, специальный агент Шэрон Льянг имела и другие обязанности в Куантико. Будучи частью отдела поведенческого анализа, как и сам Мак, Шэрон была превосходным инструктором, специализирующимся на антикризисном управлении и коммуникациях. Благодаря этому, из нее также получился идеальный лидер командного поста. И она была частью командой, помешавшей

Священнику, когда была похищена дочь Бена.

Их водитель, сержант Диксон из отделения полиции Лос-Анджелеса, также был частью команды. Когда он завернул на подъездную дорожку к дому семьи в Хэнкок Парке, Шэрон сняла солнцезащитные очки, которые надела от очередного солнечного дня в Лос-Анджелесе.

— Семья знает, что это серийный убийца? — спросила она.

— Да, — ответил Мак. — Бен был на месте, ты же представляешь, — Мак осмотрел улицу. Несколько патрульных машин и полдюжины внедорожников, которые, казалось, были частью команды Бюро. — Никаких новостных фургонов?

— Пока нет, — сказал сержант Диксон, паркуясь и заглушая двигатель. — Директор Оливос и шеф хотят, чтобы так и продолжалось дальше.

Мак не мог не согласиться. В последний раз творился настоящий цирк, хотя они и сумели обернуть это в свою пользу. Публичное отречение Изабель от дела действительно встряхнуло Священника. Пока они шли по мощеной дорожке к дому, Мак отметил вид на знак Голливуда в конце длинной прямой улицы и пальмы, покачивающиеся на легком ветру. Согласно посланным Беном отчетам, доктор Карас, отец пропавшей девушки, был главой отделения онкологии в госпитале Сидарс-Синай, который располагался всего в нескольких милях отсюда.

Все это жутковато походило на гостиную Бена — просторный зал дома в испанском стиле был полон полицейских и агентов. Шэрон немедленно направилась к небольшой группе агентов, столпившихся у двух компьютеров на складном столике. Бен поднялся с мягкого кресла в дальнем конце комнаты, где он сидел вместе с семьей на кучке мебели, выставленной вокруг антикварного латунного столика. Бен махнул Маку, и отец встал со своего места.

— А вот и он, — сказал Бен. — Мак МакМиллан. Лучший профайлер за всю историю ФБР, мужчина, который спас мою дочь, — Бен хлопнул его по спине, и они пожали друг другу руки. — Рад тебя видеть, Мак.

— И я тебя, Бен. Хотя хотелось бы мне, чтобы это произошло при более приятных обстоятельствах.

Мак протянул руку отцу, но он ее проигнорировал.

— Я хочу предложить вознаграждение, — сказал мужчина. — Сейчас же.

Доктор Карас выглядел на пятьдесят с небольшим, был подтянутым, смуглым и темноглазым, что оправдывало греческую фамилию. Он также явно привык быть главным.

— Мы примем это к сведению, — ответил Мак, не смущаясь пренебрежительного отношения или приказного тона в голосе мужчины. — Но пока мы намерены держать СМИ подальше от этого. Фотографии Анджелы уже во всех аэропортах, поездах и остановках автобусов, плюс везде в госпитале, где ее видели в последний раз.

— Вознаграждение поможет найти нашу дочь! — заорала его жена, вставая и подходя к своему мужу. Как и доктор Карас, она была одета безупречно — подобранные аксессуары, идеальный макияж и укладка. *Внешность явно имеет значение*, заметил Мак.

— В этом есть смысл, — согласился доктор.

— Вы удивитесь, если узнаете, — ровно сказал Мак, — что большинство людей, которые реально помогают расследованию, просто хотят помочь. Их мотивируют не деньги. Нам не нужно поднимать панику вокруг Священника или разбираться со звонками-розыгрышами, — он взглянул на Бена. — Уверен, директор Оливос рассказал вам, как мы

работаем и что мы намерены найти Анджелу. Все наши ресурсы в данный момент сосредоточены на ее поисках. Позвольте нам делать нашу работу.

— И в чем она заключается? — спросил доктор Карас, повышая голос. — Чем вы занимаетесь?

— Сейчас я занимаюсь профайлингом, — сказал Мак, в ответ тоже повышая голос. — Я строю образ жертвы на основании того, что я вижу в вашем поведении, — он помедлил, давая осознать свои слова. — Она не приехала вовремя на ужин, что было крайне необычно, и она выбирала карьеру, подражая отцу. Рискну предположить, что выбор другой карьеры и опоздание на ужин порицалось с вашей стороны, — мать Анджелы хотела запротестовать. — Ближе к делу, Анджела, скорее всего, может быть охарактеризована как умная, хорошая студентка, не имеющая парня, которая следует правилам, тихая, приятная в общении, но не имеющая много друзей, любит проводить время в своей комнате.

Оба родителя ошеломленно уставились на него.

— Моя ассистентка, специальный агент Шэрон Льянг, — Мак указал на нее, — будет координировать работу командного центра отсюда. Она — наши глаза и уши для любой информации, поступающей от следователей, занятых полевой работой. Сейчас я поднимусь в комнату Анджелы и посмотрю, сумею ли найти дневник, ежедневник или компьютер, который может пролить свет на то, как она могла оказаться уязвимой для похищения.

И снова никто из них не сказал ни слова. Мак повернулся к Бену.

— У Шэрон есть последние данные моего профиля на Священника, — сказал ему Мак. — Не мог бы ты просмотреть его с Карасами, пока я буду наверху, и проверить, не подходит ли кто-то из их окружения или окружения Анджелы под это описание?

Бен улыбнулся — легкая знающая улыбка, как у гордого дядюшки.

— Конечно, Мак, — сказал он.

Изабель осмотрела свое платье, глядя в зеркало. Она переодевалась трижды, прежде чем остановилась на этом, и надеялась, что Маку оно понравится. *По крайней мере, я знаю, что нравлюсь ему в платьях*, подумала она, рассматривая себя в профиль. Ее случайное прочтение Мака стало первым намеком на то, что он находит ее привлекательной, и в частности, ее фигуристые ножки.

Она улыбнулась этому воспоминанию, но улыбка быстро угасла.

Хоть видение было коротким, она почувствовала эмоции, бурлящие под его спокойной наружностью: злость из-за похищения Эсме, печаль, имеющая отношение к темноволосой женщине, и забота о ней самой после того, как она прочла вещь, принадлежащую Эсме.

Изабель посмотрела на свои обнаженные руки. Хоть ей и нравилось носить платья, настоящая причина, по которой они являлись почти обязательными — это то, что они лучше сочетаются с перчатками, чем джинсы. Не то чтобы люди не таращились. Перчатки всегда привлекали взгляды. Но носить их с повседневной одеждой было настолько странно, что косились все. Изабель посмотрела на открытый ящик комода, где хранила свою коллекцию перчаток, разложенных парами по цветам, подходящим к разным нарядам. Затем снова посмотрела на свои руки.

Я должна прочесть Мака...

Изабель села на краю кровати. Она использовала перчатки, чтобы сменить простыни

всего час назад. Это те самые простыни, которыми пользовались они с Маком — предмет, настолько наполненный им, что касание вызвало бы частичное видение.

Намеренно использовать свой дар психометрии^[3] с ним означало бы узнать его, *по-настоящему* узнать. Это тот тип правды, который не переживали ни одни отношения. Но не прочесть Мака означало носить перчатки всякий раз, когда они оказывали вместе — навсегда. Она разрывалась. Она отчаянно хотела поднять их отношения на новый уровень интимности, но в то же время это вызывало риск, который она не могла вынести — риск потерять его.

Снова и снова она спорила сама с собой.

Сделай это, сказала ее отчаянная сторона.

— Я не могу, — пробормотала Изабель, озвучивая боящуюся сторону.

Внезапно она встала.

Прекрати. Вот что происходит, когда у тебя в распоряжении слишком много времени.

Молчащий телефон на прикроватной тумбочке был подтверждением этому самому факту. Стратегия встряски Священника подразумевала ее публичное заявление о том, что она шарлатан. Только самые преданные клиенты остались с ней. Но подходя к ящику и доставая пару перчаток, Изабель надеялась вовсе не на звонок клиента. Она надеялась на звонок Мака — а этот звонок не раздастся в ближайшее время.

Хоть они по стандартному протоколу использовали подслушивающие и отслеживающие устройства, Мак не был уверен, что Священник позвонит. Это произошло лишь однажды — когда участвовала Изабель. Информация по делу гласила, что он никогда не пытался связаться с семьями четырех других жертв. Как только почерк Священника был проанализирован по делу Эсме, не составило труда распознать похожие дела.

Так что услышав телефонный звонок во время обыска комнаты Анджелы, Мак предположил, что это очередной звонок от друзей или родственников. Но топот ног на лестнице и по коридору сообщил Маку, что этот звонок был иным. Запыхавшийся сержант Диксон появился на пороге.

— Это он, — сказал сержант, отступая в сторону, когда Мак вылетел из комнаты в гостиную.

Доктор Карас сидел в одном из кресел с высокой спинкой, стоявших вокруг латунного столика, Шэрон в наушниках присела рядом с ним и указывала на лист бумаги на столике. Это был стандартный сценарий, который Мак попросил Шэрон набросать с целью помочь говорившему удержать Священника достаточно долго, чтобы отследить звонок.

Когда он прошел к компьютерному столу в другом конце комнаты, Бен протянул ему наушники.

— Слушай меня, — говорил доктор Карас. — Я хочу поговорить с моей дочерью.

Мак бросил взгляд на Шэрон, которая морщилась и раз за разом тыкала в сценарий. Требования не были частью диалога.

— Приведите экстрасенса, — спокойно и твердо сказал Священник. — Приведите Изабель де Грей.

— *Что?* — спросил доктор Карас. — Кого?

Шэрон принялась торопливо писать что-то на сценарии. Мак застыл.

Изабель?

— Слушай ты, больной убудок, — сказал доктор Карас, отмахиваясь от Шэрон. — Ты дашь мне поговорить с моей дочерью.

Мак стиснул зубы, а Шэрон подняла руки в воздух, вставая. Доктору Карасу больше не дадут отвечать на звонки. Но слушая ответ Священника, Мак лихорадочно соображал.

Почему Изабель? Он ее оклеветал. Она участвовала в деле в тот самый единственный раз, когда Священник потерпел неудачу. Это все еще была битва между добром и злом, между ним и ней?

— Экстрасенса, — повторил Священник. — Через час.

Затем он повесил трубку.

Мак бросил взгляд на агента за компьютером, который принялся лихорадочно печатать, нажал на клавишу ввода и стал ждать. Курсор замигал, почти в замедленном режиме, и наконец появилась строчка текста. Совпадение по двум вышкам, обе почти у побережья. Все сходилось. Четыре из пяти убийств произошли к западу от 405 шоссе. Но этого было недостаточно, чтобы сузить район звонка до такой территории, которую можно было бы обыскать. А без знания типа и модели серого японского компакт-кара, который видели Эсме и Изабель, визуальный просмотр камер видеонаблюдения в районе будет бесполезен, так как даст сотни, если не тысячи совпадению.

Мак снял наушники, Шэрон тут же содрала свои и схватила со стола сценарий.

— Это не только не помогло, — громко сказала она. — Это потенциально может нанести вред. Сценарий существует не просто так.

— Кто, черт подери, этот экстрасенс? — заорал на нее доктор Карас, вставая.

Даже не будучи высоким, он все равно возвышался над миниатюрным агентом-азиаткой. Мак немедленно направился к ним. Хоть он и автоматическиотреагировал попыткой защитить ее, в этом не было необходимости.

— *Шаг назад*, доктор Карас, — произнесла Шэрон через стиснутые зубы, ее ноздри раздувались, она шире расставила ноги и отвела локти от тела. — *Сейчас же*.

Карас моргнул пару раз и подчинился.

— Изабель де Грей, — сказал Бен доктору Карасу, и каждое его слово сочилось отвращением, — была экстрасенсом моей жены.

— Священник говорил с ней в прошлый раз, — сказал Мак, доставая из кармана телефон, чтобы позвонить Изабель.

— Это *нелепо*, — сказал Карас, вновь распаляясь. — Я этого не допущу.

— Слушайте, — сказал Бен. — Мне это нравится не больше вашего. Эта женщина — полная шарлатанка, — палец Мака завис над кнопкой вызова, пока он наблюдал за лицом Бена. Его нос сморщился, верхняя губа слегка изогнулась, как будто он понюхал нечто омерзительное. — Но, — продолжил Бен. — У нас нет выбора.

Мак не осознавал, с какой рьяной враждебностью Бен относился к Изабель.

— Она способствовала раскрытию дела, — заметил Мак.

— Она заставила Священника понервничать, — сказал Бен, качая головой. — Совершить ошибку. Не более.

Хоть отчет Мака был нейтральным в части того, помогли ли на самом деле экстрасенсорные способности Изабель, у Бена явно была своя интерпретация. Странное дежа вю завладело им, когда Мак вспомнил, как впервые услышал об Изабель. Его реакция была практически такой же. Все, что она делала, списывалось на хорошую догадку или понимание людей. Но теперь он знал разницу.

— Думаете, она сумеет сделать это и в этот раз? — спросил Карас, уже заинтересовавшись. — Заставить совершить ошибку?

— Мы это выясним, — ответил Бен. — Верно, Мак?

Не таким Изабель представляла себе их воссоединение. Звонок Мака раздался не удивление рано днем. Но еще удивительнее оказался тот факт, что их отношения оставались тайной. Даже теперь, когда сержант Диксон завернул на подъездную дорожку, слова Мака беспокоили ее больше, чем Священник.

«Неэтично», сказал он. «Против правил».

Серьезно?

Она последовала за сержантом Диксоном по мощеной плиткой дорожке к входу, украшенному орнаментом. Хотя бы сержант был рад ее видеть, даже слегка приобнял. Когда они подошли к двойным дверям, Изабель ощутила, как в животе от предвкушения запорхали бабочки, вопреки звонку Мака. Но сцена в гостиной стала ударом реальности. Полицейские офицеры в униформе, агенты ФБР, Шэрон в наушниках за компьютером, и Бен. Все эт

казалось таким пугающе знакомым.

И Мак, сидящий на оттоманке в дальнем краю комнаты. Он поднял взгляд от бумаг, которые держал в руках, как только она направилась к нему. Чуть выше шести футов, с темными, коротко подстриженными волосами, мощная фигура Мака по большей части скрывалась под темным костюмом. Но широкие плечи, узкую талию и квадратный подбородок нельзя было не заметить.

Боже, он был еще привлекательнее, чем ей помнилось. Изабель точно знала, что скрывается под накрахмаленной белой рубашкой и узким черным галстуком. И когда она приблизилась к нему, его глубокие сине-зеленые глаза осмотрели ее с головы до пят. Он встал с оттоманки, и на мгновение Изабель представила, как бежит к нему, кидается в его объятия и ощущает его тело так близко к своему. Но когда Мак протянул руку для рукопожатия, этот образ исчез, как и ее улыбка.

— Мисс де Грей, — произнес Мак серьезным голосом, фальшиво улыбаясь.

— Специальный агент МакМиллан, — тихо ответила она, сжимая его ладонь. Даже сквозь лен перчатки она была теплой, пожатие — нежным. На мгновение она затерялась в его взгляде, а потом рукопожатие закончилось.

— Это доктор Карас, — сказал Мак, отворачиваясь от нее. — Его дочь Анджелу похитили вчера из медицинского центра при УЮК.

Хоть Изабель и повернулась, чтобы поздороваться с доктором Карас, Бен встал между ними, и ей пришлось резко остановиться.

— Ты здесь только потому, что Священник хочет твоего присутствия, — сказал он. — Понятно?

— Понятно, — машинально ответила Изабель.

— Мы не хотим никакого экстрасенсорного дерьма. Поняла?

— Бен? — сказал Мак прежде, чем она успела ответить. Его рука подхватила Изабель под локоть, бережно увлекая назад. — Уверен, мисс де Грей помнит систему. Но давайте пройдемся по сценарию, просто на всякий случай, — Мак подвел ее к Шэрон. — У нас не так много времени.

По крайней мере, Шэрон улыбнулась ей, пусть и мимолетом, снимая наушники и вставая.

— Изабель, — сказала Шэрон. — Рада тебя видеть, — она посмотрела на руку Мака, все еще покоившуюся на локте Изабель, и он тут же ее отпустил. Шэрон подвинула к ней белый лист бумаги, лежавший на столике. На нем было напечатано несколько коротких пунктов текста. — Уверена, ты помнишь, что цель — удержать его на линии, — Шэрон помедлила, глядя на кого-то позади Изабель. — И использование сценария, — сказала она громче необходимого, — поможет нам в этом.

Изабель слегка нахмурилась, не понимая, что происходит. Она уже собиралась обернуться и посмотреть, кого Шэрон сверлила взглядом, когда почувствовала, как к ней подошел Мак.

— Доктор Карас не придерживался сценария, — прошептал он ей на ухо. Изабель едва не ахнула. Его теплое дыхание мягко прошло по ней, как будто он ее коснулся, и Изабель ощутила, как гулко забилося сердце. — Он больше не будет отвечать на звонки, — выдохнул Мак.

— Первое, чего мы хотим достичь, — сказала Шэрон, ее голос вернулся в норму, — это получить триангуляцию на его телефон. Как и в последний раз, он не пользуется

стационарной линией.

Изабель почувствовала, как Мак отстранился, и протяжно выдохнула.

— Ты в порядке? — спросила Шэрон.

Изабель почувствовала, что краснеет.

— Просто немного жарко, — сказала Изабель, и голос прозвучал чуть выше обычного.

— Нервничать — нормально, — сказала Шэрон, улыбаясь. — Но ты справишься. По крайней мере, это ведь не первый твой раз, верно?

— Верно, — сказала Изабель, кивая. — Верно.

Изабель не знала, куда ушел Мак, но не разрешала себе развернуться и посмотреть.

— Наша вторая цель, — сказала Шэрон, — это убедиться, что Анджела в порядке. Хотя Вашингтон еще не прислал нам аудио-анализ, думаю, все мы узнали голос Священника, и это определенно не розыгрыш. Мы работаем, исходя из предположения, что он похитил ее.

Образ Эсме, лежащей на полу, совершенно обезвоженной и истекающей кровью, мелькнул перед глазами Изабель. Колено заныло, когда она вспомнила, как прочла бедную девочку, чтобы как можно быстрее передать правоохранительным агентам описание Священника.

— Точно, — сказала Изабель, наконец-то сосредоточившись.

— Вот телефон, — сказала Шэрон, поднимая маленькую гладкую трубку со стола и кладя ее обратно. — А вот, — она посмотрела куда-то за Изабель, — и стул.

Изабель обернулась и увидела, что Мак несет из прилегающей к гостиной комнаты стул. Она также увидела Бена, сидящего с пожилой парой возле латунного столика. Должно быть, это родители Анджелы. Они напряженно слушали Бена, и хоть оба выглядели расстроенными, это не походило на те эмоциональные вспышки, которые она видела при исчезновении Эсме.

Мак поставил стул и придержал его для Изабель. Как только она села, он слегка пододвинул стул и быстро перешел к другой стороне стола, где сидел незнакомый Изабель агент. Молодой парень был в наушниках, Мак тоже надел свою пару. Затем подошли родители Анджелы, и Бен тоже дал им наушники.

Изабель чувствовала, как по спине бежит капелька пота. К тому времени, когда зазвонил телефон, она даже начала задыхаться.

Шэрон показала два пальца, потом один, и указала на звонившую трубку.

Мак видел, что Изабель расстроена. Он заметил это в тот самый момент, когда она пришла. Но теперь, когда она тянулась к телефону, ее рука дрожала. Все в нем стремилось успокоить ее, сказать, что все будет в порядке, просто взять ее в свои руки и крепко обнять.

Он едва не сделал это, когда шептал ей на ухо. Она была так близко, что Мак чувствовал свежий цветочный аромат, исходящий от ее кожи. Ему пришлось сознательно заставить себя отстраниться.

Изабель была одета в платье, которого он никогда не видел — глубокий красный цвет идеально подчеркивал ее оливковую кожу и роскошные длинные темные волосы. Ее хрупкая фигурка изгибалась под платьем во всех нужных местах, фигуристые ножки выглядывали из-под подола до середины бедра. И когда Изабель подошла к нему, Мак пялился на мягкое покачивание ее бедер, а потом уставился на едва заметную ложбинку, выглядывавшую в

вырезе платья.

Изабель взяла трубку и ответила на звонок.

— Алло? — сказала она, и ее голос четко прозвучал в наушниках.

— *Изабель*, — раздался голос Священника, ровный и уверенный. — У меня есть для тебя сообщение.

Резкий, пронзительный, полный агонии визг заполнил их уши. Вопреки телефонному звонку с Эсме, никто этого не ожидал.

Проклятье!

— О мой бог, — услышал Мак вздох Изабель одновременно с тем, как все за столом разом подпрыгнули.

Этот крик расколол воздух, и казалось, прошла целая вечность до того, как он наконец-то прекратился.

Мак посмотрел на Изабель, которая стиснула край стола и закрыла глаза. Шэрон коснулась ее плеча, заставив вздрогнуть, но она тут же увидела, как Шэрон указывает на сценарий.

— Пожалуйста, могу я поговорить с Анджелой? — произнесла Изабель дрожащим голосом.

Все они ждали, застыв на месте и панически боясь еще одного такого крика. Но единственное, что приветствовало их — это молчание и нечто похожее на шум ветра в микрофоне.

— Алло? — повторила Изабель.

Прентисс улыбнулся, глядя на одноразовый телефон, и выключил свой сотовый, засунув его в карман пиджака. Его запись крика Анджелы была чистой и ясной, почти такой же роскошной, как настоящий звук. Оставив одноразовый телефон, он аккуратно уложил его в небольшую ямку, которую вырыл в песке каблуком туфли. Встав, он помедлил, полюбовавшись колесом обозрения на пирсе Санта-Моника, всего в паре сотен ярдов отсюда.

Эти люди с ума сошли? Катаются в этих больших раскачивающихся кабинках?

Ему пришлось подавить дрожь при этой мысли.

Он быстро отвернулся и направился обратно к парковке. Несомненно, скоро они будут здесь. Внезапно он ощутил, как отклеивается козлиная бородка, и быстро прижал ее на место.

— Дерьмо, — пробормотал он.

Он использовал недостаточно театрального клея.

Миновав двухэтажный штаб спасателей, он позволил себе неспешно осмотреться по сторонам. Здесь снимали «Спасателей Малибу». Песок, по которому он сейчас тащился, когда-то был съемочной площадкой. Он улыбнулся вопреки отклеивающейся бородке. Лос-Анджелес был магическим местом.

— Алло? — в третий раз повторила Изабель.

Мать Анджелы тихо плакала, но ни она, ни остальные не сняли своих наушников. По какой-то непонятной Изабель причине телефонный звонок длился и длился, но они слышали лишь приглушенные незнакомые звуки вдобавок к изначальному шороху.

Мак и Бен склонились к молодому агенту между ними, глядя на экран его компьютера. Изабель ждала сигнала от Шэрон, но внезапно агент рьяно закивал, и все трое сбросили наушники.

— Мы получили триангуляцию, — сказал Мак.

Хоть Мак уже знал, что это бессмысленно, им пришлось проделать это для галочки. Команда по спасению заложников выдвинулась первой, выбравшись из своих внедорожников и устремившись к району пляжа за штабом спасателей. Держа наготове винтовки, одетые в военную униформу со шлемами, они выглядели как морские котики, прибывшие обезопасить пляж.

Никакой серийный убийца не станет пытаться своих жертв посреди бела дня на публичном пляже. Но даже несмотря на это, пока они направлялись к локации, топая по песку, в теле Мака бушевал адреналин. Другие агенты и полицейские в униформе разделились направо и налево, заставляя всех в окрестностях держаться на расстоянии.

— Пятнадцать метров, — прокричал глава команды по спасению заложников.

И как раз когда Мак закончил мысленно подсчитывать шаги, глава команды подал сигнал остановиться. За доли секунды Мак оказался рядом с ним, и вместе с остальными агентами они уставились на сотовый телефон, лежащий вверх экраном в небольшой ямке.

— Сукин сын, — пробормотал кто-то.

Мак нажал на переключатель рации.

— Криминалисты, — сказал он. — Ваш выход.

Крик, должно быть, оказался записью. И кто вообще знал, что это Анджела? У Священника могла иметься целая коллекция записанных криков. Когда команда по спасению заложников сменилась агентами в герметичных костюмах, Мак заставил себя успокоиться и обдумать увиденное.

Он уже знал, что на телефоне не будет отпечатков пальцев. Священник не допускал таких ошибок — только не после четырех убийств и одной попытки убийства.

— Допросить всех в округе, — сказал он растущей вокруг него толпе агентов. — И здесь, и в штабе спасателей. Всех, кто потенциально мог видеть священника.

Когда группа разбрелась, Мак встал, уперев руки в бока, посмотрел на телефон, который упаковали в пакетик, и перевел взгляд на пирс.

Такое публичное место. Священник становится нахальным. Мак покосился на вращающееся колесо обозрения. Чрезмерная уверенность в своих силах влечет за собой ошибки. Это неизбежно. Но случится ли это вовремя, чтобы спасти Анджелу — это уже другой разговор. Ее время сходило на нет.

— Я хочу, чтобы этот телефон как можно скорее отследили, — сказал Мак одному из техников. — Место продажи, способ оплаты, допросить кассира. И собрать все вокруг в радиусе нескольких ярдов.

Это было пустой тратой времени, и Мак должен был принять вероятность того, что в этом и заключалась задумка. Пора отправиться в учебный госпиталь УЮК.

Хоть Изабель и ждала в доме во время этой пустой погони ни за чем, которая привела на пляж, Мак настоял, чтобы она помогала ему в госпитале. Его логическое объяснение для Бена сводилось к тому, чтобы воссоздать поиски Эсме — они вдвоем работали вместе, поскольку Священник явно желал ее присутствия. Конечно, Бена уговаривать не пришлось,

поскольку ее присутствие в доме явно его раздражало.

Сержант Диксон оставил ее с Маком у главного лобби медицинского центра и поехал парковать внедорожник. Они впервые остались наедине с тех пор, как Мак вернулся, а Изабель, к ее ужасу, обнаружила, что ему нечего ей сказать. Он уточнил направление в справочном бюро, они поднялись в набитом людьми лифте на четвертый этаж, а теперь он просто шел рядом с ней, не бросая в ее сторону ни взгляда.

— Так наши отношения остаются в секрете даже от нас самих? — наконец сказала Изабель. — Мы даже не можем поговорить? Или ты собираешься подождать до конца дня, чтобы просто позвонить мне?

Мак в два быстрых шага преодолел расстояние до двери с надписью «Только для персонала». Повернул ручку, мельком проверил, что внутри, и вот Изабель уже оказалась затащенной в крошечную комнатку, полную полотенец, простыней и халатов, аккуратно сложенных на белых полках.

Захлопнув дверь, Мак резко развернулся к ней.

— Этого ты хочешь? — горячо спросил он. — Чтобы я просто позвонил тебе, как будто я в Вирджинии?

Вопреки его злому тону, Изабель не могла сдержать раздражения, весь день бурлившего в ней.

— А будет разница? — заорала она. — Ты ведешь себя так, будто меня здесь вообще нет!

— Ты думаешь, я *хочу*, чтобы все было так? — закричал Мак. — Я не могу вот так просто включить и выключить это, как ты!

— Как... *я*? — пролепетала Изабель.

— Посмотри на себя! — воскликнул Мак, подходя ближе. — Так одета, что я едва могу *мыслить* связно!

— *Как...* — крикнула она, но тут до нее дошел смысл его слов, — *одета как?* — закончила Изабель, опешив.

— Так значит, мне стоит *позвонить тебе?* — сказал Мак, делая шаг вперед и хватая ее за талию. — Этого ты хочешь? — его глаза впивались в нее взглядом, жесткая сталь его рук прижимала Изабель к его телу. — Этого ты хочешь, Изабель? — хрипло прошептал Мак. — Скажи мне.

— *Нет!* — ахнула она, смаргивая. — Нет, это не...

Рот Мака завладел ее губами, поглощая все остальные слова. С голодным нетерпением, противоречившим холодной наружности, он крепко целовал ее и заставлял пятиться назад. Его губы прижимались к ее губам, яростно двигаясь, язык тут же погладил губы и ворвался в ее рот. Времени ответить почти не оставалось, Мак толкал ее назад, его язык хозяйничал у нее во рту, его легкие забирали из нее воздух. Наконец руки Изабель нашли ее шею, и она повисла на нем, отдаваясь бесконечному опустошающему поцелую. Дыхание вырывалось из его ноздрей, жесткие грудные мышцы Мака вжимались в ее груди, спина врезалась в стену. Ее пальцы вцепились в его волосы, губы пытались не отставать от темпа поцелуя. Биение сердца грохотало в ушах, легкие обжигало недостатком кислорода. Но ее язык сплетался с его языком, губы искали его с отчаянием, выходившим из-под контроля.

Затем рука Мака очутилась на ее бедре, скользя выше под платье. Ее тело тут же напряглось, Изабель задержала дыхание, когда его теплые пальцы подобрались ближе, очутившись на тонкой ткани его трусиков. Ее шокированный вздох закончился яростным

поцелуем, и Мак одновременно накрыл ладонью ее холмик.

Мак провел пальцами по складочкам между ног Изабель. Она шире расставила ноги, и его затвердевающая эрекция натянула трусы-плавки. Мак понимал, что в любой момент сюда может кто-то войти, но он не мог остановиться. Целыми днями он думал о том, как увидит ее, как поцелует, как коснется. И когда он нежно сжал ее сокровенное местечко, тело Изабель задрожало, и она застонала, Мак был более чем готов.

Он прижался своим лбом к ее, их тяжелые дыхания смешивались. Мак ласкал ее через невесомую ткань, и Изабель вновь застонала.

Ее вкус, ощущение ее, и даже ее изысканное звучание, тихое и с придыханием — все это было как наркотик. Его рот вновь завладел ею в поцелуе. Ее мягкие розовые губки пульсировали, их чувственные движения увлекали Мака, даже когда в глубине души взревел сигнал тревоги.

На двери нет замка. Остановись.

Но вместо того чтобы остановиться, его ладонь надавила на нежную мягкость ее холмика, его пальцы изучали теплое местечко между бедрами, и Мак сжал ладонь. Ее стон вибрировал на его губах, и сладкий поток воздуха окатил его подбородок. Когда губы Изабель разомкнулись, его язык незамедлительно скользнул внутрь, ища и врываясь. Его возбуждение набухло, натягивая брюки.

Я мог бы взять ее. Здесь и сейчас.

Дни без нее внезапно начали казаться месяцами. Да, он мог бы взять ее прямо сейчас, и еще потом, днями и ночами. Протяжными неспешными поглаживаниями Мак вновь и вновь массировал ее вход и обнаружил, что она двигается вместе с ним, следует за его рукой, не разрывает контакт. Ее рот полностью раскрылся для него, его язык ласкал ее язычок, ища удовлетворения, которого он не мог там отыскать. Лишь теплое влажное местечко между ее ног удовлетворило бы его голод. Только оказавшись внутри нее, Мак утолил бы сводящую с ума нужду, заставлявшую его бедра двигаться.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Но теперь сигнал тревоги в его голове взревел еще громче. Он был на грани, из-за которой уже не смог бы вернуться.

Анджела все еще не найдена.

Его разум пытался вернуть контроль, но Мака разрывало на части.

Остановись. Остановись сейчас же.

Но пальцы Изабель оставили его волосы, ее руки скользнули по его груди и жестко опустились на бедра. Резким рывком она соединила их тела, внезапно ее плоский животик прижался к его стволу.

Прикосновение оказалось электризирующим, Мак рефлекторно сжал влажное местечко меж ее ног, и ощутил, что ее бедра тут же дернулись, вжимаясь в его ладонь. Ее движения были соблазнительными, пульсировали недвусмысленным приглашением. Но когда его эрекция дернулась почти болезненно, Мак внезапно отстранился. Их губы разомкнулись с громким чмокающим звуком, и Мак заставил себя отойти.

— Нет, — выдавил он сквозь стиснутые зубы. Глаза Изабель распахнулись, на лице отразился явный шок, руки в перчатках замерли в воздухе. — Нет, — снова сказал Мак, даже

глядя на ее тело, изгибы груди и то местечко между округлых бедер, где он только что был. — Анджела еще не найдена, — прошипел он. Их ждала работа, и от этого зависела жизнь Анджелы.

Изабель прижала руку ко рту, зажимая губы и крепко зажмурился глаза. После нескольких долгих мгновений она вновь подняла веки. Кивнув и опустив ладонь, она отодвинулась от стены. Мак осторожно сделал еще один шаг в сторону. Любое прикосновение к ней заканчивалось одним и тем же.

— Ты прав, — дрожащим шепотом произнесла Изабель, воспользовавшись минуткой, чтобы восстановить равновесие. — Ты прав, — повторила она, как будто убеждая себя.

Наконец, она подняла взгляд на Мака. Ее прекрасные янтарные глаза блестели непролитыми слезами, розовый румянец возбуждения все еще окрашивал щеки. Мак стиснул руки в кулаки и сделал еще один шаг назад.

Изабель расправила плечи и одернула подол платья, разгладив морщинки на ткани. Затем, отводя взгляд, она прошла мимо него, положила руку на дверную ручку и помедлила.

— Я скучала по тебе, Мак, — тихо сказала она, не поворачиваясь. — Боже, как я по тебе скучала.

А потом она ушла.

— И вы не видели поблизости священника? — спросил Мак.

Брайан Харкнесс нахмурился, услышав этот вопрос, как и все остальные, кого допрашивал Мак.

Маку потребовался почти час, чтобы успокоиться после той почти-потери контроля с Изабель. Он даже не подумал посмотреть на себя в зеркало. Диксон протянул ему носовой платок, сказав одно-единственное слово:

— Помада.

Но по мере того, как проходили беседы с одноклассниками Анджелы и инструктором, Мак вернулся к профайлингу. В общей сложности шесть человек — он попросил их подождать в коридоре, допрашивая поодиночке. В конце небольшой лекционной аудитории Брайан оставался последним.

— Нет, — сказал он, качая головой. — Я даже не знаю, есть ли при госпитале часовня.

Такое же мнение эхом озвучили и остальные, почти слово в слово. Они так же были единодушны в том, что Анджела была, пожалуй, лучшей студенткой в группе и ушла вскоре после окончания основной лекции. Будучи не из тех, кто остается до конца дня или направляется с группой в пивную на открытом воздухе, чтобы развеяться, она казалась милой, но никто на самом деле не знал ее хорошо.

— И вы не заметили, в каком направлении она пошла, когда уходила? — спросил Мак.

— Просто дальше по коридору, — сказал Брайан, пожимая плечами.

Мак уже знал, что машину Анджелы нашли на парковке, и что «дальше по коридору» приведет как раз в этом направлении, хотя конкретного маршрута у них все равно не было.

— Я бы рад помочь, — сказал Брайан, держа руки в карманах белого халата. — Но я действительно не знаю ее, и она ушла как обычно.

Виктимология представляла собой общность личной информации о жертве, но на самом деле все сводилось к тому, как различные аспекты ее жизни могли привести к тому,

что жертва оказалась жертвой. Ничто не намекало на то, что Андже́ла была особенно уязвимой: она была эмоционально стабильной, умной, жила полной жизнью, даже занятой. Вопреки властному отцу и продиктованной им профессии семейное положение Анджели было надежным. Как и с Эсме, Священник просто нацелился на молодую красивую брюнетку, которую легко мог одолеть. Он был хитрым, эффективным и не оставлял следов. Очевидно, что он планировал каждое похищение и убийство.

Все убийства проходили аналогично. Он начинал с удара в колено, потом проворачивал нож и делал разрез вверх по бедру, пока не достигал лобковой кости. После той его оговорки об инцесте в деле Эсме, Мак не сомневался, что Священником движут сексуальные мотивы, но все же не мог понять, почему увечье прекращалось у самых половых органов — типично для таких случаев. Эсме спасло крайнее обезвоживание и тот факт, что священник подумал, будто слишком долго висел на телефоне. Она могла истечь кровью из серьезной раны в колене, но ее кровь была слишком густой и текла очень медленно.

— Мы закончили? — слегка нетерпеливо спросил Брайан. — Не хочу быть грубым, но у меня встреча с кое-какими людьми.

— Конечно, — сказал Мак. — Мы закончили.

Студентка из твоей группы пропала, и любая деталь, которую ты вспомнишь, может переменить ход дела, но конечно, тебе же надо встретиться с кое-какими людьми.

Мак проводил Брайана до двери. Когда Брайан вышел, не обернувшись назад, Мак увидел сержанта Диксона, ждущего в одиночестве.

— Где Изабель? — спросил Мак.

— Один из сотрудников упомянул, что у них есть шкафчики вон там, — сказал сержант, показывая направление. — Там же находится зона отдыха.

Хоть Мак и посмотрел в указанном направлении, он заметил не зону отдыха, а офицера полиции. Он шел ровной походкой патрульного и явно заметил Мака с сержантом. Его униформа состояла из темно-зеленых брюк и коричневой футболки, но он явно был полицейским.

Что за госпиталь содержит полицейский патруль? В лобби один сидел в справочном бюро, но это норма.

Мак быстро вытащил значок и показал его мужчине.

— Специальный агент МакМиллан, ФБР. Можно вас на пару слов?

Мужчина средних лет приветливо улыбнулся и остановился перед Маком.

— Офицер... — сказал Мак, читая его бейджик. — Дадашьян, — он был армянином с темными глазами и курчавыми черными волосами, начинавшими седеть на висках. — Я не знал, что этот госпиталь патрулируют полицейские.

— О да, — сказал Дадашьян, слегка поддевая обеими руками пояс с инструментами и покачиваясь на пятках. Мак заметил, что он носил при себе глок, и что бейджик и наплечная нашивка гласили «округ Лос-Анджелес», а не город. — С той самой стрельбы, — продолжил Дадашьян. — В девяносто четвертом? Или в девяносто третьем?

— Думаю, это был 1993-й, — сказал сержант Диксон. — Недовольный пациент затеял стрельбу и убил троих врачей перед тем, как сдать.

— Вот как, — сказал Мак, на самом деле не очень интересуясь инцидентом. Но где есть охранники, особенно вооруженная полиция, там есть и другие меры безопасности.

— Есть камеры видеонаблюдения? — спросил Мак.

— Обязательно, — отозвался Дадашьян.

Мак и сержант Диксон дружно посмотрели на потолок, осматривая его на всей протяженности коридора.

— Не здесь, — сказал Дадашьян. — В основном в местах, где публика может попасть в госпиталь. Входы и выходы. Отделение неотложной помощи.

— А на парковках? — спросил сержант, быстро понимая, куда клонит Мак. Неважно, забрал ли Священник Анджелу на парковке — он в любом случае должен был добраться до машины.

— На некоторых, — сказал Дадашьян. — На большинстве их них. Частные охранники следят за мониторами.

Мак уже вытаскивал телефон.

Частная охранная фирма, городская полиция Лос-Анджелеса в лице Диксона, и даже полиция округа в лице Дадашьяна, и *никто* не запросил записи камер — возможно, потому что навалилось слишком много всего.

— Шэрон, — сказал Мак, когда та ответила. — Мне нужна спецгруппа в окружной госпиталь УЮК как можно быстрее. Столько пар глаз, сколько мы можем получить. У нас есть записи камер видеонаблюдения.

— Можно спросить вас о перчатках? — сказала молодая девушка, сопровождавшая Изабель.

Как и остальные сотрудники, Ананди Патель носила белый лабораторный халат, который снимала в этот самый момент.

— Конечно, — сказала Изабель, приподнимая механизм замка и открывая дверь шкафчика Анджелы. — Через прикосновение я физически читаю прошлое объектов и людей. Я ношу перчатки, чтобы избежать непреднамеренных видений.

Ананди тут же прекратила свое занятие.

— Вы экстрасенс?

Изабель посмотрела в пустой серый шкафчик и нахмурилась.

Ну конечно. Полиция уже побывала здесь. И зная Бена, мне не разрешат прочесть ни одну из вещей Анджелы в доме.

Изабель медленно закрыла дверцу и увидела, что Ананди таращится на нее.

— Прошу прощения, — быстро извинилась Изабель, пытаясь припомнить, что сказала Ананди. — Да, я экстрасенс.

— Работаете с ФБР?

Изабель не до конца понимала, как ответить на этот вопрос. Вчера она сказала бы «да». Сегодня она уже не знала.

— Время от времени, — ответила Изабель.

Ананди склонила голову набок.

— Хм-м-м-м, — протянула она. Как будто складывая информацию для дальнейшего рассмотрения, она отвернулась и повесила халат в свой шкафчик. — Потрясающе.

Но когда она убрала рюкзак, подняла ранее снятый замочек и заперла дверцу, Изабель наблюдала, как она поднимает узкий металлический механизм.

Вещи Анджелы отсутствовали, но она касалась дверной защелки по меньшей мере раз в день. К сожалению, это проделывали и другие.

Хоть Изабель и понимала, что это нужно сделать, она мысленно содрогнулась. Объекты в публичных местах вызывали просто ошеломительные видения. Так много жизней пролетало мимо и оставляло свой след. Изабель посмотрела на другие запертые дверцы. *И эти врачи. Само их дело каждый день вращалось вокруг болезни и смерти.* Изабель посмотрела на ручку шкафчика Анджелы, но вспомнив полный агонии крик, она сама едва не закричала. Хоть она и продолжала говорить «алло» в трубку, ей больше всего хотелось выбежать из комнаты. Каким бы тяжелым ни стало видение от шкафчика, оно не сравнится с тем, что вынесла Анджела.

Не колеблясь больше ни минуты, Изабель расстегнула маленькую застёжку на запястье, стянула льняную перчатку и положила пальцы на дверную ручку.

Все вокруг исчезло, и содержимое шкафчика завладело ее зрением. Руки тянулись, чтобы взять халат. Надпись «Анжела Карас» была вышита синим. Анджеле это нравилось. Коридоры госпиталя проносились мимо, ее ноги болели, туфли-лодочки слишком жали в носке. Бесконечные обходы. Всюду больные люди. Скучные лекции. Конец дня. Убрать халат. Ряды бежевых шкафчиков. Изабель почувствовала, как ее пальцы крепче сжали ручку. Ужин с родителями. Засесть за книги. Печаль из-за пожилых родителей. Воспоминания уходят. Жизни исчезают.

Изабель отпустила ручку и пошатнулась назад. Ее рука в перчатке потянулась вперед и нашла закрытую дверь шкафчика, Изабель сделала глубокий вдох. Она удержала равновесие, серая дымка видения постепенно исчезала, зрение возвращалось.

— Вы меня слышите? — сказала Ананди. Изабель моргнула и осознала, что пальцы Ананди касаются внутренней стороны запястья Изабель. — Я говорила с вами. Вы меня не слышали?

— Нет, — выдавила Изабель, когда перед глазами замелькали образы из видения.

Ананди кивнула, отпуская ее запястье, и Изабель опустилась на деревянную скамейку.

— Это почти как транс, — сказала Ананди. — Вот только ваше сердцебиение ускорилося. Если у вас проблемы с сердцем, это может стать проблемой.

Но Изабель не очень-то слушала — кадры жизни Анджелы постепенно складывались по хронологии, выстраиваясь по порядку убывания. Те же места, те же люди. Обходы палат. Другие студенты-медики. Инструкторы. Медсестры.

Но никакого священника. Никого, кто напоминал бы его, с белым воротничком или нет.

Повседневная рутина Анджелы повторялась раз за разом. Она парковалась практически на одном и том же месте каждый день и... Изабель снова посмотрела на шкафчики вокруг себя. Серые. Но Анджела проходила мимо бежевых.

Ананди надела рюкзак, и Изабель встала, слегка пошатнувшись.

— Вам стоит посидеть здесь несколько минут, — сказала Ананди.

— Где бежевые шкафчики? — спросила Изабель.

— Что?

— Анджела где-то проходила мимо бежевых шкафчиков, а не мимо этих серых.

— Хм-м-м, — Ананди нахмурилась. — Насколько мне известно, здесь таких нет.

Нет. Неправда. Изабель вновь просмотрела образы из видения. Изображение бежевых шкафчиков принадлежало госпиталю. *Они должны быть здесь — как и возможная зацепка по делу Анджелы.*

Мак видел, как закрылась Изабель, как только они вернулись в дом Карасов. Она воодушевилась после видения у шкафчика Анджелы, потому что информация о бежевых шкафчиках оказалась полезной. Хотя и не открытая для использования, новая раздевалка и зона отдыха все равно находилась в пределах досягаемости. Учитывая местонахождение припаркованного Приуса Аманды и ее последнюю известную локацию в лекционном зале, строительная зона приобретала ясный смысл — короткая дорога между двумя точками. Хотя это и не дало никаких улик, Мак все равно сумел воспользоваться этой информацией. Медицинский центр УЮК был оборудован несколькими сотнями камер. Учитывая теоретический путь, которым Аманда добиралась до машины, это сужало количество записей видеонаблюдения до такого, которое реально можно просмотреть.

— Это хорошие новости.

Снаружи наступала ночь, и сержант Диксон ехал по городским улочкам, чтобы доставить их обратно в Хэнкок Парк, а не сидеть в пресловутом Лос-Анджелесском часе-пик, который больше напоминал парковку. Они втроем разговаривали о дороге через строительную зону и о том, как она наверняка немедленно привлекла внимание Священника. Хотя сержант и удивлялся, что убийца нанес удар так скоро, учитывая его предыдущую схему с месяцами бездействия, Мак заметил, что ему не удалось убить Эсме и нанести увечье, которым он обычно отмечал своих жертв. Какую бы фантазию он ни воплощал, она не была закончена. Но Изабель придерживалась того же мнения, что и сержант. Поиски Священника не дали результатов, но его ориентировка широко транслировалась всюду, его лицо видели — она сама и Эсме.

И это была одна из причин, по которой у Бена был личный интерес к делу. Он понимал, что его дочь может оказаться единственным человеком в мире, который мог дать показания против этого серийного убийцы, и даже сейчас она восстанавливалась дома, снаружи была припаркована полицейская машина, а в доме постоянно присутствовали агенты ФБР. Когда они вошли в гостиную Карасов, Мак заметил усталость на лице своего наставника и то, как он за недели постарел на несколько лет.

— Почему бы тебе не отправиться домой, Бен, — сказал Мак. — Я договорился, чтобы один из агентов подменил Шэрон на случай еще одного звонка или обнаружения чего-то на видео, но пока мы ничего не можем сделать.

Анализ записи специалистами из Вашингтона принес мало пользы. Криминалист-лингвист не сумел выделить сленг, который мог бы определить возраст Священника, или какой-то технический жаргон, способный намекнуть на его опыт работы. К сожалению, тот факт, что он обладал хорошей дикцией и грамматикой, но в то же время мог сквернословить, описывал огромную часть мужского населения.

Родителей Анджелы не было в гостиной. Правоохранительные органы представляли один офицер полиции в униформе, Шэрон, и еще один специальный агент. Как и было запрошено, Шэрон послала все свободные глаза и уши просматривать записи камер видеонаблюдения в госпитале. Изабель и сержант Диксон держались позади, оставаясь у входной двери.

Трель колокольчика у двери сообщила о прибытии замены для Шэрон. Сержант Диксон указал ему в нужную сторону.

— Знаешь, — сказал Бен, медленно направляясь к передней двери. — Ты можешь остаться у нас. Анита и Эсме будут рады.

— Очень любезно с твоей стороны, — сказал Мак, пока его разум подыскивал любой повод не ехать. Единственное место, где он хотел находиться — рядом с Изабель. — Но мы с Шэрон уже сняли отель, и думаю, все мы устали, — темные круги под глазами Бена сообщили Маку, что он согласен. Более того, Бен выглядел так, будто похудел. Несмотря на желание быть здесь и видеть, как Священника наконец-то поймают, Мак предположил, что Бен переживает собственный кошмар. Медленное восстановление Эсме стало ежедневным напоминанием. Ей понадобится по меньшей мере еще две операции, чтобы залечить травмы колена, и возможно, она больше никогда не будет бегать.

— Ага, — согласился Бен. — Долгий был день, — он кивнул сержанту и намеренно проигнорировал Изабель, открывая входную дверь и поворачиваясь к Маку. — Еще раз спасибо, Мак, — сказал Бен, протягивая руку. — Увидимся утром.

Когда они обменялись рукопожатием, Мак сказал:

— Отдохни, а завтра утром начнем по новой.

Бен направился к своей машине, а Мак, Изабель, сержант Диксон и Шэрон собрались на подъездной дорожке. Арендованная машина Мака ждала на другой стороне дороги, а внедорожник сержанта стоял на обочине. Но когда они приблизились к автомобилям, Мак осознал, что им с Изабель придется отправиться разными путями. Ему нужно отвезти их с Шэрон в отель.

— Я с радостью подброшу Шэрон до отеля, — сказал сержант Диксон. Ошарашенный, Мак бросил на него быстрый взгляд. Но лицо сержанта ничего не выдало, как будто это было самым естественным предложением. — У вас есть чемодан? — спросил Диксон у Шэрон.

— В багажнике, — ответила она совершенно беззаботно, и они с Диксоном направились к арендованной машине.

Они знают о нас с Изабель?

Бен уже отъехал, и разблокировав дверцы машины через брелок, Мак посмотрел на Изабель. Она стояла на расстоянии касания, ее янтарные глаза спокойно смотрели на него.

— Не спрашивай об этом, — тихо сказала она.

Мак и не собирался, ни на секунду, но он и не осознавал, насколько прозрачной была его реакция. Лишь звук закрывшегося багажника внедорожника привлек его внимание.

— Увидимся завтра, — сказал сержант Диксон, садясь на водительское место.

Мак услышал, как закрылась дверь Шэрон, хоть он ее и не видел.

— Спасибо! — ответил Мак.

И вот так он остался наедине с Изабель.

Хоть Изабель и осознавала, что *сама* торопилась, Мак, похоже, летел на всех парах. Они чуть ли не бегом поднялись по лестнице к ее квартире, и как только дверь захлопнулась за ним, руки Мака обхватили ее лицо, и его губы внезапно завладели ее ртом. Их зубы клацнули друг о друга, но Мак, казалось, этого не заметил. Его губы были горячими и требовательными, прикосновение его рук напоминало раскаленное клеймо. Но его ладони быстро оставили ее лицо, и Мак немедленно полностью расстегнул молнию ее платья. Не переставая идти. Быстрым шагом, заставлявшим Изабель пятиться еще быстрее, они

уверенно двигались к спальне.

Мак не тратил времени впустую, и Изабель это устраивало. Ее руки сдирали его одежду, оставив пиджак в гостиной, галстук возле кухни, а рубашку — в коридоре. Ее платье оказалось стянутым через голову, и все еще пятясь назад, Изабель наблюдала, как сокращаются точеные мышцы на прессе Мака, пока он сбрасывал одежду на пол спальни. Мускулы его больших рук перекатывались, и Изабель посмотрела туда, где его узкая талия скрывалась под брюками. Он расправился с ее лифчиком, а она одновременно расстегнула его ремень.

Его тело было таким же изумительным, как она помнила. Широкие покатые плечи, мышцы груди, слегка поросшие темными волосами, выпуклые мышцы на ребрах, спускающиеся к узким бедрам. Изабель приспустила брюки и трусы-плавки, вес ремня помогал ей в этом. Тонкая полоска волос спускалась посередине его рифленого пресса, но его одежда не упала ниже, зацепившись за выступающую эрекцию. Изабель собиралась стащить брюки Мака ниже, но тут ее ноги уперлись в кровать, и она упала на спину. Изголовье ударило о стену, когда Мак последовал за ней на кровать, наклонился над ней и резко сдернул ее трусики. Ее туфли упали на пол, когда он сбросил их легким движением.

Мак быстро вытащил презерватив из кармана брюк, спустил трусы и брюки до середины мощных бедер и надел защиту. Не потрудившись до конца стянуть брюки, но сбросив ботинки, он забрался на кровать, все его гибкое и мускулистое тело двигалось, как могущественный хищник, исключительно животный и невероятно мужественный. Изабель развела ноги, уже увлажнившись для него, и когда Мак навис над нею, она ощутила, как его твердый ствол скользнул по внутренней стороне ее бедер. Изнывая от отчаянной нужды, двигавшей ею, она приподняла бедра, и его набухшая эрекция скользнула прямиком в нее.

Мак громко застонал и услышал, как Изабель под ним резко втянула воздух. Они идеально подходили друг другу, и когда он скользнул в ее горячие глубины, это ощущение оказалось еще роскошнее, чем он помнил. Мак вошел глубоко, изгибая спину и устраивая ноги между бедер Изабель, и выпрямил руки. Она была такой готовой, и момент, о котором он фантазировал каждую ночь, наконец-то настал.

— Изабель, — прошипел он, отводя бедра назад и окидывая взглядом все ее тело.

Она лежала под ним обнаженной, ее пышные груди с розовыми вершинками тяжело вздымались при каждом вздохе, гладкая как атлас кожа напряглась на ее невероятно плоском животике. Мак наблюдал, как кремовая плоть ее бедер приподнялась над постелью, и ее вход ткнулся навстречу его длине. Мак медленно выскользнул наружу, наслаждаясь ощущением ее теплой плоти вокруг себя, наблюдая, как ее мягкий животик напрягается и расслабляется, ее холмик приподнимается под ним, пока необходимость толчков не стала слишком сильной. Одним движением он вошел в нее до упора, наблюдая, как подпрыгнули ее идеальные груди от удара, и услышав ее прерывистый стон. Ее бедра обхватили его, толкаясь и приподнимаясь, ища наслаждения, к которому он сам стремился.

Мак снова отстранился и вдолбил в нее. Упругая плоть разошлась, и ее влажный центр вновь поглотил его. Но тихий крик удовольствия, изданный Изабель, стал для него как бензин для пожара, хоть и приглушился нарастающим шумом крови в ушах. Его бедра начали двигаться, разбухшая плоть вминалась в нее. Яростным взрывом толчков, от которых

тряслась вся кровать, Мак жестко вколачивался в нее раз за разом. Как будто намерстывая упущенное время, его тело бешено напряглось, ведомое неконтролируемым ритмом. Его спина выгнулась, ягодицы сжались, пах толкался вперед, вбиваясь в нее. Хотя Мак погружался глубже с каждым ритмичным толчком, он не мог ею насытиться. Каждый мускул его тела напрягся, чтобы наполнить ее, и к неверию Мака, Изабель подавалась навстречу ему, встречая каждый толчок. Она была великолепной, ее фигуристое тело извивалось, буквально вибрируя в ответ на его неустанные толчки.

Дыхание Изабель вырывалось прерывистыми вздохами, горло Мака горело, но он не останавливался. Все это походило на сон, и он ожидал, что вот-вот проснется, как это случалось много раз, но единение их тел было настоящим. Изабель была настоящей. И желание погрузиться в нее, затеряться в экстазе, не утихало.

Несмотря на то, что его бедра продолжали двигаться в свирепом ритме, Мак опустился к ее содрогающемуся телу, подхватил рукой под спину и быстро перекатился.

Хоть Изабель и оказалась наверху, толчки Мака не прекратились ни на секунду. Снова и снова он входил в нее, наполняя самые глубинные ее части, пока она не перестала понимать, от чего испытывает эту ноющую боль — от желания или от его диких толчков. Она скакала на нем, раскачивалась на его бедрах, отчаянно втягивая воздух в легкие. Даже под ее весом его таз вскидывался вверх, пресс напряженно сокращался, и все тело едва не сгибалось пополам. Каждый мускул и жила в его прекрасном теле работали для наслаждения. Его кожа блестела от пота, глаза крепко зажмурены от усилий. Вид Мака, охваченного глубочайшими муками страсти, был таким эротичным, что Изабель не могла отвести взгляда.

Без предупреждения Мак внезапно сел, одной рукой упираясь в кровать позади себя, а другой проводя по ее спине. И в этот раз, когда его бедра в очередной раз толкнулись вверх, Мак жестко надавил на плечи Изабель.

Из ее легких вырвался хрип, и его эрекция разбухла еще сильнее, его огромный ствол наполнил ее до предела. Изабель закричала в мучительном экстазе, но его бедра продолжали свои бешеные движения, а рука продолжала в нужный момент опускаться еще глубже. Вновь и вновь Мак вонзался в нее, и все его тело сотрясали конвульсии. Вновь и вновь Изабель полностью отдавала ему свое тело. Но повторяющиеся удары раскрывали ее естество, растягивали стенки ее тела, задевая сладкое местечко, и глубоко внутри зародился укол острой боли, который тут же повторился. Ее пальцы вонзились в его плечи, бедра начали подрагивать. Пронзительное жалобное хныканье сорвалось с губ Изабель, и нижняя часть ее туловища зашла в спазме безумной нужды.

Мак крепко стиснул ее, все еще толкаясь между ее ног, вбиваясь выше, хрипя с каждым новым толчком. Воздух вырывался из его рта, обдавая ее тело, и между ног начал зарождаться новый жар. Знакомое напряжение начало скручивать низ живота, ее сладкое местечко запульсировало ослепляющим желанием. Ее измученный бугорок плоти оказался зажат между ними, его толчки сокрушали его, и когда спираль наслаждения грозила разорвать ее надвое, Изабель жестко стиснула его набухший член.

Боже, он ощущался как чистая сталь. Наслаждение смешалось с болью, и обрывистый стон Мака сообщил Изабель, что он тоже это почувствовал. Но он все равно продолжал вдалбливаться в нее, яростно и неукротимо, громко хрипя и насаживая ее на себя. Изабель

окаатило волной ощущений, и она стиснула его непроизвольной конвульсией. Ее оргазм накатил из ниоткуда, как внезапный удар, и у нее перехватило дыхание. Ее внутренние мышцы стискивали его, яростно, великолепно, и также неукротимо, как его толчки, и все ее тело задрожало.

Но когда крещендо страсти грозило унести ее прочь, Изабель опустила руки на вздымающуюся грудь Мака, ее пальчики в перчатках нашли его соски и сжали.

Мак почувствовал, как его спина сама собой выгнулась, плечи впечатались в матрас. С мучительным криком освобождения он взорвался внутри Изабель. Ее пальчики быстро снова нашли его соски, и Мак громко застонал, когда удовольствие в затвердевших горошинках и экстаз в его паху слились воедино. Его горячее семя выстрелило вверх, полное освобождение затопило его тело таким мощным потоком, что Мак едва не сошел с ума. Руками он сжал свою голову, как будто она угрожала взорваться, и вцепился в волосы, а невероятный оргазм забросил его еще выше.

Его напряженный ствол продолжал подергиваться в ней, и Мак был уверен, что прорвал презерватив, но остановиться было невозможно. Пульсирующие волны наслаждения прокатывались по вздувшемуся члену. Ее напряженное лоно конвульсивно содрогалось вокруг него, ее пальцы сжимали его ноющие соски, и его оргазм накрыл очередным жгучим взрывом. С его губ сорвался прерывистый стон, Мак едва не вырвал себе волосы, содрогнувшись всем телом. Сперма выплескивалась вверх толчками мучительного наслаждения, и он понимал, что единственный способ прекратить это — убрать ее руки.

Но он не мог.

Вместо этого Мак забылся во сне наяву, его торс содрогался, спина выгибалась, он чувствовал ее вес на своих бедрах и то, как ее пальчики теребят болезненные соски. Его ноющий ствол снова дернулся в ней, но он больше не мог стонать или кричать. И когда последняя цепочка судорог выдоила его досуха, одна за другой, а ее пальцы снова сжались в нужный момент, Мак мог лишь ритмично хрипеть, невыносимо больно и изумительно твердея глубоко в ней, пока последние капли его семени не выстрелили в финальном моменте болезненного блаженства.

Все его тело обмякло. Лишь глубокие прерывистые вздохи приподнимали его грудь, и Изабель наконец отпустила его соски. Хотя это тоже причиняло боль, Маку было уже все равно. Он почувствовал, как она скатилась с него и тяжело рухнула на постель рядом. Несколько минут их затрудненное прерывистое дыхание, хриплые неровные вздохи были единственным звуком в спальне.

Мак хотел встать, сходить за водой, забраться под простыни, но накрывшее его глубинное умиротворение стало слишком тяжелым одеялом. Несмотря на то, что руки и ноги ощущались свинцовыми, а глаза отказывались открываться, он подвинулся ближе к Изабель, помог ей устроиться на изгибе его руки, и только тогда осознал, что так и не снял брюки и трусы. Но когда ее головка устроилась на ее плече, Мак шумно и абсолютно удовлетворенно выдохнул.

— Я тоже по тебе скучал, — прошептал он и ощутил, как Изабель улыбнулась.

Это был *еще один* день без освещения в новостях.

Прентисс хрястнул пустой пивной банкой по складному столику так сильно, что банка смялась, а столик прогнулся.

Он просмотрел весь тупой новостной выпуск, и там ничего не было.

Ничего!

Только теперь он осознал привлекающую внимание силу, которую дало похищение дочери директора ФБР в Лос-Анджелесе. Но это была тупая удача. Анджела хорошенькая, но всего лишь студент-медик и вовсе не дочка знаменитости.

— Что ж, — пробормотал он. — Хочешь сделать что-то правильно, сделай это сам.

Он поднялся со складного стульчика и выключил маленький телевизор на кухонном шкафчике рядом с раковиной. Затем он пересек маленькую обшарпанную гостиную до картонной коробки, которая служила ему гардеробом. Внизу, под халатом и хирургическим костюмом, лежал его грим и бутафория. Он вытащил еще один одноразовый телефон, включил и набрал 411. Его немедленно соединили со справочной службой.

— Да, — сказал он. — Я бы хотел узнать телефонный номер KTLA News^[4] в Лос-Анджелесе.

— Поверить не могу, что ты подарил мне перчатки! — восхищенно воскликнула Изабель.

Широко улыбаясь, она расправила в руках нежные серовато-зеленые перчатки. Они были прекрасны, кожа такая тонкая, что ощущалась как вторая кожа.

— Надеюсь, они подходят, — сказал Мак.

Он сидел рядом с ней на краю кровати, обнимая рукой за талию. Они уже одевались, когда Мак достал это из своего багажа. Изабель разложила их на коленях и немедленно сняла свои серые льняные перчатки. Она уже собиралась надеть новые, как засомневалась.

Кто их касался?

— Моя договоренность была такой: отделка кожи такая деликатная, — сказал Мак, — что швеи работали в перчатках, чтобы защитить ее от собственного кожного сала.

— Они *ручной работы*? — она ахнула, уставившись на перчатки.

— Я тоже их не касался, — сказал Мак, наклоняясь к ней. — Когда Фэдекс^[5] доставил посылку, я открыл ее в латексных перчатках.

— *О боже мой!* — воскликнула Изабель и взяла их в руки.

Не пришло ни одного видения. Ни один человек их не касался. Изабель быстро надела перчатки. Внутренности были отделаны шелком, и перчатки идеально сели. Она расправила пальчики.

Никто раньше не дарил ей перчаток! Более того, если подумать, очень немногие люди вообще пытались дарить ей что-либо после того, как узнавали об ее экстрасенсорных способностях. Мак сделал все правильно.

— Они *идеальны*, — восторженно прошептала она.

— И они должны сделаться мягче, когда...

Изабель схватила Мака за галстук, притянула ближе к себе и заткнула его губы поцелуем. Он, казалось, на секунду опешил, но потом, когда она прижалась к его губам и скользнула меж них языком, она ощутила, как его рука крепче обняла ее за талию. Изабель целовала его мягко, но настойчиво. Она и не осознавала, какими мягкими были его губы, и помедлила, чтобы насладиться их бархатистостью. Не спеша, она изучала сладкий изгиб верхней губы и нижнюю пухлую, слегка покусывая каждую по очереди. Мак почти не шевелился, видимо, удовлетворенный, пока она изучала его рот. Кончики их языков едва соприкасались, ее губы медленно и ритмично поглаживали его рот. Она питалась теплотой его губ, цеплялась за него, и на мгновение ощутила его пульс. Но прежде чем поцелуй выдал жар, уже начавший разливаться меж ее бедер, Изабель медленно и неохотно отстранилась. В последний раз прикусив его губу, она заставила себя отодвинуться.

Несколько секунд прошли в тишине, ни один из них не хотел портить момент.

— Что ж, — тихо сказал Мак, расплываясь в улыбке. — Почему-то я вижу в твоём будущем еще много подарков.

— Спасибо тебе за перчатки, — сказала Изабель, слегка хихикая.

Телефон Мака зазвонил, не давая случиться еще одному неизбежному поцелую. Он достал аппарат из кармана, и Изабель не сумела сдержать разочарования.

— Это Шэрон, — сказал он, вставая и отвечая на вызов. — Мак.

Изабель снова посмотрела на перчатки. К сожалению, они не подходили к сегодняшнему платью. Возможно, ей стоит переодеться?

— Что? — сказал Мак. — Когда? — его лицо внезапно потемнело от злости. Потом брови взлетели вверх. — Священник? — Мак посмотрел на Изабель, и она встала, снимая перчатки. — Мы будем там.

Изабель быстро натянула льняные перчатки и аккуратно сложила кожаные в обитую тканью коробочку.

— Он снова звонил? — спросила она, почти боясь ответа.

— Да, — сказал Мак. — Но не в дом. Он звонил в местную новостную станцию.

В доме Карасов царил хаос. Несколько офицеров полиции в униформе у входа просто зашивались. Мак пробивался через толпу репортеров, отталкивая их, если требовалось, и тянул за собой Изабель. Шэрон и сержант Диксон, которые приехали через считанные секунды, последовали за ними.

— ФБР! — заорал Мак, перекрикивая всю эту какофонию, когда они добрались до двери. — Пропустите нас.

Один из офицеров, не поворачиваясь, открыл дверь за своей спиной и выставил руку перед толпой.

— Назад! — крикнул он.

Через считанные секунды они оказались внутри, и как только дверь закрылась, шум стих. Бен, видимо, еще не приехал, и оба родители Анджели лихорадочно мерили квартиру шагами. Едва завидев его, доктор Карас буквально подбежал и остановился в двух дюймах от Мака.

— Что это, черт подери, такое? — заорал мужчина, брызгая слюной. — Где, черт подери...

— Доктор Карас, — рявкнул Мак, его раскатистый голос заглушил слова мужчины. — Священник прошлой ночью позвонил на телевидение, и мы работаем над тем, чтобы взять ситуацию под свой контроль.

Доктор Карас моргнул, все еще стоя с раскрытым ртом. Изабель не знала, удивился ли он новостям или тому, что на него наорали, но это оказалось ерундой в сравнении с тем, что случилось дальше. Мак положил руки на предплечья мужчины.

— Вы нужны мне здесь, — сказал Мак, легко сдвигая его в сторону, — вне прицелов камер.

Мак отпустил его и тут же повернулся к Изабель.

— Закрой шторы, — приказал он. — Шэрон, займись командным пунктом, а ты... — сказал он, указывая на молодого агента, который работал с телефонной линией в течение ночи.

— Коллинз, — сказал агент, вставая и бросая наушники на кресло.

В комнате сразу стало темнее, когда Изабель задернула шторы.

— Коллинз, — повторил Мак. — Вы с сержантом Диксоном уберите эту толпу. Я хочу, чтобы они ушли от этого дома до края квартала. Используйте желтую ленту как для места преступления, чтобы держать их подальше, или же настоящие веревки — мне все равно. Затем возьмите полицейские машины, и мою арендованную, — Мак бросил ключи Диксону, — и свой внедорожник, чтобы перекрыть улицу. Начните вызывать эвакуаторы, если понадобится, чтобы убрать новостные фургоны в соседний квартал. И не стесняйтесь выписывать штрафы тем, кто не подчинится.

Коллинз вытаращил глаза, но Диксон развернулся на пятках и за считанные секунды оказался у двери. Коллинз последовал за ним, и шум толпы ворвался внутрь. Но прежде, чем дверь за ними успела закрыться, внутрь протолкнулся Бен.

— Будь они *прокляты!* — сказал он, буквально заваливаясь в дверь и захлопывая ее за собой.

Изабель включила свет.

— Я застал конец новостей этим утром, — сказал Бен. — Но это едва ли выглядело *вот так*, — он ткнул пальцем в сторону двери. — Есть идеи, кто слил информацию?

— Священник, — сказал Мак.

Бен посмотрел так, будто его ударило молнией.

— Есть новости об Анджеле? — спросил доктор Карас.

— Где наша девочка? — потребовала миссис Карас.

— Просто подождите, — сказал Мак. — Позвольте мне начать с самого начала.

Он быстро пересказал, что узнал из новостной передачи. Священник позвонил репортеру по имени Кэмден Гоулд на Пятом канале KTLA в конце одиннадцатичасовых новостей прошлым вечером. Он заявил, что похитил Анджелу и также взял на себя ответственность за Эсме. Мак видел, как окоченела спина Бена.

— Но суть в том, что это хорошая новость, — закончил Мак. — Несмотря на цирк снаружи, Священник раскрыл очень важный факт о себе.

Все они замерли в ожидании следующих слов Мака.

— Он хочет славы, — сказал Мак, и его губы изогнулись в легкой улыбке. — Вы понимаете, что это значит? — но пустые лица говорили о непонимании. — С одной стороны, Священнику нужно похищать жертв, не будучи пойманным. С другой стороны, ему нужна скандальная известность. Он хочет признания за содеянное. Одна цель *непрерывно*

исключает другую. Он не может получить и то, и другое, и в конце концов допустит ошибку, которая позволит нам найти его.

— *В конце концов*, — эхом повторил доктор Карас. — Как это поможет нам найти Анджелу?

Все глаза оставались приклеенными к Маку.

— Мы устроим эмбарго для прессы, — сказал Мак. — Откажем ему в том, чего он жаждет — никаких новостей, сосредоточившихся на нем одном. Вместо этого заставим его совершать отчаянные поступки ради получения славы. Заставим его открыться. Вынудим снова позвонить репортеру. И когда он это сделает, мы скажем репортеру выпросить у него детали, которых не было в прессе, попросим доказать, что он действительно Священник. Дадим ему шанс проболтаться и выдать слишком многое...

— Я предложу награду, — заявил доктор Карас.

Мак уставился на него.

— Я бы не стал этого делать, — предостерег Бен. — Мак прав. Морить его голодом. Заставить его выйти к нам.

— Ну, если *Мак* так прав, — заорал Карас. — *Тогда где моя дочь?*

Прентисс расположил увеличительное зеркало на складном столике таким образом, чтобы все равно видеть телевизор. Это транслировалось по всем каналам, но он включил именно Пятый, куда изначально слил историю. Кэмден Гоулд всегда был его любимым репортером. Мужчина определенно обладал уверенностью. Однако в данный момент на экране показывался штатный репортер у дома Анджелы.

— С репортажем из Хэнкок Парка Гейл Баррига, находящийся снаружи дома Анджелы Карас. За...

Гейл быстро развернулся, и вдалеке отворилась входная дверь дома в испанском стиле.

Прентисс выдавил немного театрального клея на внутреннюю сторону протеза и на кончик собственного носа. Хоть этот грим занимал больше времени, просто казалось, что доктор должен иметь на лице что-то более... *существенное*. Округлый нос плюс козлиная бородка и усы действительно это обеспечивали.

— Это отец Анджелы, доктор Томас Карас, — сказал Гейл. — У него есть заявление для прессы.

Прентисс аккуратно усадил кусочек силикона на свой нос, надавил и подержал несколько секунд. Доктор Карас подошел к куче микрофонов, протянутых в его сторону.

— Доброе утро, — сказал Карас и прочистил горло. — Моя дочь, — сказал он, поднимая большую фотографию, — считается пропавшей со вторника, и мужчина, известный как Священник, позвонил на Пятый канал и взял на себя ответственность за это.

— Священник? — заорал Прентисс. — *Священник?* — заржал он, хлопнув себя по колену и тут же опрокинув банку с театральным клеем. — *Дерьмо*.

Поставив банку и схватив пару салфеток, но не мог отвести взгляда от экрана.

— ...похищение и пытки Эсме Оливос в прошлом месяце, — доктор Карас поперхнулся, сглотнул и вновь прочистил горло. Этот мужчина не имел ни капли сценического обаяния. — Так что я предлагаю награду в сто тысяч долларов за любую информацию,

которая поможет определить местоположение мужчины, известного как Священник, или моей дочери Анджелы Карас, — доктор Карас поднял рисунок, который выглядел достаточно похожим на персонажа, которого в последний раз воплощал Прентисс — хотя и менее привлекательным. Он покосился на рисунок.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Есть номер горячей линии? — спросил доктор Карас у кого-то за кадром. Ему ответили, но Прентисс не сумел разобрать, что именно, и рядом с логотипом Пятого канала появился номер, начинавшийся с 888. Прентисс переключил внимание на пролитый клей, который уже загустевал. — Сто тысяч долларов за информацию, которая приведет к их местоположению, — умолял Карас. — Что угодно. Если вы знаете хоть что-то, пожалуйста, позвоните по этому номеру, — кто-то за кадром сказал что-то. — Я еще не закончил, — горячо сказал доктор.

Хоть доктор Карас продолжал говорить, до Прентисса внезапно дошло, что только что случилось. Его персонажа, его лицо только что показали по телевидению. По телевидению! Это еще одна крайне важная веха в его карьере. Он посмотрел на свое отражение в зеркале, широко улыбаясь.

Священник, подумал он, усмехаясь. Как они назовут меня, когда узнают, что я хирург?

По какой-то непонятной ей причине Изабель переполняло чувство ужаса. Возможно, дело было в странной развлекательной обстановке телевизионной станции, или, возможно, в мрачной решимости Мака, но внезапно мысль о том, что Анджела найдется, казалась как никогда далекой.

— Что это? — спросил Кэмден Гоулд, когда Мак подтолкнул к нему лист бумаги через огромный стеклянный стол.

Они сидели в небольшом конференц-зале, примыкавшем к офису исполнительного продюсера. Несколько крупных распечатанных фото в рамке с изображением новостных фургонов или группы улыбавшихся репортеров украшали стены. Мак настоял, что встреча должна ограничиться присутствием исполнительного продюсера шоу и Кэмдена. Режиссерам и ведущим новостных программ пришлось обиженно удалиться, некоторые из них окидывали взглядом ее и перчатки. Хоть присутствию Изабель в доме были явно не рады, Мак не забыл, что Священник потребовал ее присутствия. Но теперь, с этим егс звонком и откровенным желанием славы, Изабель уже не была уверена в том, что сыграет какую-то роль.

— Это сценарий, — ответил Мак.

— Мне не нужен *сценарий*, — сказал Кэмден, ухмыляясь. — Я занимаюсь этим *сорок* лет.

Изабель сразу же его узнала. На фоне темного загара, который выглядел слишком темным, особенно в сочетании с абсолютно белыми волосами, улыбка Кэмдена затмевала калифорнийское солнце — хотя сейчас он не улыбался.

— Вы занимались телевещанием сорок лет, — сказал Мак. — Но это не телевещание. И даже не интервью.

Лицо Кэмдена приобрело кислое выражение, он поднял глаза к потолку.

— Тогда что это? — сказал исполнительный продюсер Роб Столуорт, сидевший рядом с Кэмденом.

Изабель решила про себя, что все здесь — будь то перед камерой или за кадром — выглядели как актеры. Насколько она знала, это могло оказаться правдой. Столуорт был среднего телосложения, волосы коротко подстрижены, зубы такие же ослепительно белые, как у Кэмдена, и подбородок с ямочкой. Кэмден был одет как для эфира, но развязал галстук и расстегнул одну пуговицу на рубашке, а Столуорт выглядел небрежно в джинсах и розовой рубашке-поло, откинувшись на стуле и уложив лодыжку на колено.

— Это может оказаться единственной возможностью поймать психически нездорового серийного убийцу с сексуальными мотивами, — ответил Мак, пригвоздив его взглядом. — И спасти женщину, которую, возможно, пытаются прямо сейчас, пока мы тут с вами сидим.

В комнате повисло ошеломленное молчание.

Хорошо, подумала Изабель. *Пусть знают то, что знаем мы. Пусть чувствуют то, что чувствуем мы.*

Столуорт снял ногу с ноги и сел прямо, а Мак повернулся к Кэмдену. Тот взял лист и стал его изучать.

— Вы хотите, чтобы он описал детали предыдущих убийств? — спросил Кэмден, глядя на список коротких пунктов. — Зачем? Чтобы доказать, что он совершил их?

— Нет, — ответил Мак. — Так должен подумать он. Но я уже уверен, что он ответственен по меньшей мере за четыре смерти, судя по характеру пыток, — Кэмден поднял на него взгляд, слегка приоткрыв рот, но тут же обратно поджав губы. — Мы ищем информацию, которой у нас нет. Что угодно, что поможет установить его личность.

Кэмден снова просмотрел сценарий, и Столуорт наклонился к нему, чтобы тоже иметь возможность прочесть.

— Ничего об Анджеле Карас? — спросил Столуорт.

— Нет, если он сам не заговорит о ней, — сказал Мак. — Цель — *всегда* сосредоточиваться на нем самом. Вы даете ему возможность получить то, чего он желает: *славу*. Позвольте ему рассказать нам о себе. *Позвольте ему говорить*.

Вид со скамеечки на Анджелс Нолл сегодня портился туманом. Каким-то образом во время съемок «500 дней лета» они умудрились убрать дымку. Или на самом деле на дворе стояло не лето. Или они сделали это с помощью компьютера.

Прентисс прислонился спиной к деревянным планкам скамейки и вытянул перед собой ноги, слушая гудки телефона. Сегодня под белым халатом он был одет в светло-голубой хирургический костюм, грим надежно оставался на месте.

— Соедините меня с Кэмденом Гоулдом, — сказал он деловито и нетерпеливо, когда на том конце кто-то ответил. Доктора всегда деловиты и нетерпеливы.

— Это Кэмден, — сказал ведущий новостей.

Какой хороший голос у этого парня.

— Это я, — ответил Прентисс.

На том конце возникла короткая пауза.

— Как мне стоит называть вас? Святой отец?

Смешок сорвался с губ Прентисса прежде, чем он успел себя остановить.

— Нет, — сказал он, подавляя веселье. — Нет, — он прочистил горло. — Можешь называть меня Доктор.

— Ладно, Доктор, — сказал Кэмден, не замывшись ни на секунду. — Что я могу для вас сделать?

— Я звоню, чтобы сообщить сведения о пациенте, — сказал Прентисс, косясь через очки на массивные бежевые здания напротив.

— Понятно, — сказал Кэмден. — И речь идет об Анджеле Карас?

— Конечно, — рявкнул Прентисс, глядя на покатый склон холма, поросший травой. — О ком же еще?

— Может, об одной из ваших прошлых жертв, — ответил Кэмден.

Жертв? Это абсолютно неправильное слово.

— Думаю, вы хотели сказать «пациентов», — процедил Прентисс сквозь стиснутые зубы.

— Верно, — сказал Кэмден. — Пациентов, — последовала пауза. Прентисс воспользовался этой возможностью, чтобы посмотреть время на телефоне, но он все равно слышал Кэмдена. — У вас были и другие пациенты помимо Анджелы.

Но они не были пациентами, подумал Прентисс, не совсем. До воплощения священника роли не приходили как таковые, не выливались в потрясающие представления. В любом

случае, кто вообще слышал о хирурге, у которого не было других пациентов?

— Конечно, — быстро ответил Прентисс. — Я в высшей степени квалифицирован для выполнения этой операции. Можно сказать, что я лучший.

— И где же вы будете выполнять свою работу, Доктор?

Как абсолютно очевидно.

— В операционной, разумеется, — ответил Прентисс, радуясь такому легкому парированию реплики.

— Сколько таких операций вы провели?

— Шесть, — немедленно ответил Прентисс. — Эта станет моей седьмой. Я довел это до совершенства. Может быть использовано любое лезвие, — *это должно быть впечатляюще. Это должно попасть в новости.* — Я собираюсь...

— Зачем экстрасенс? — спросил Кэмден.

Прентисс моргнул.

— Зачем что?

— Зачем вовлекать экстрасенса, Изабель де Грей? — спросил Кэмден, звуча явно торопливо. — И зачем звонить мне? Из всех репортеров в Лос-Анджелесе? Почему именно мне?

Прентисс поджал губы и захлопнул телефон.

Не обернувшись назад, он развернулся и широкими шагами направился вверх по холму к бродяге, спавшему на одной из скамеек. Прентисс выбросил сотовый телефон в траву у его ног.

Мак дымился от злости, едва слыша, что говорит сержант Диксон. Он устоял на стол сержанта посреди общего зала в западном участке полиции Лос-Анджелеса.

Очередная упущенная возможность. Все эти люди желают смерти Анджели?

Триангуляция по сотовому опять прошла успешно, и опять они нашли телефон без Священника, в этот раз на Анджелс Нолл. Бездомный мужчина ничего не видел, и в крошечном парке не было никого, кроме него.

— Мак? — тихо сказала Изабель, касаясь его руки ладонью в перчатке.

Они сидели рядом, сержант Диксон — напротив них, и все вместе пытались вычислить двух других неизвестных жертв Священника — который теперь, видимо, стал доктором и хирургом. Внезапно Мака озарило.

— У него нет множественного расстройства личности, — заявил Мак, смотря то на Изабель, то на сержанта.

Диксон копался в лежащих перед ним файлах, но остановился.

— Откуда вы знаете? — спросил он.

— Потому что доктору известно обо всех операциях, — сказал Мак. — Включая и ту, что с Эсме.

— Я не понимаю, — сказала Изабель.

— Это также известно как диссоциативное расстройство личности, — сказал Мак. — Личности *забирают* контроль. Одна личность не располагает воспоминаниями другой.

— Доктор знал о многих других жертвах, — сказал Диксон.

— У меня все не укладывалось в голове, что он имеет множественное расстройство

личности, — сказал Мак. — Обстоятельства всегда перечили этому, — Мак подался вперед на своем стуле. — Нет, он хамелеон, выбирающий новую личность для каждого похищения.

— Но пытка остается одинаковой, — сказал Диксон.

— Так надо, — ответил Мак. — Здесь имеется какой-то сексуальный мотив. Именно он и толкает его в первую очередь.

— Колено? — спросила Изабель.

— Не только колено, — сказал Мак, проводя линию по своей ноге. — Все начинается с колена и движется выше по бедру.

— Даже так, — сказал Диксон, — это все равно далеко от...

— Мы найдем на нем такую же рану, — сказал Мак, откидываясь назад и почти поражаясь своему заключению. — Нечто, что в его голове ассоциируется с сексом. Нечто, что случилось во время секса, — он перевел взгляд с Диксона на Изабель. — И теперь он воссоздает это.

Тому не было ни единого доказательства, но в этом имелся смысл. Идеальный тип жертвы Хамелеона — молодая, хорошенькая и миниатюрная, и всегда брюнетка с длинными волосами. Мак посмотрел на Изабель — ее темные волосы скользнули по плечам, но их мягкие изгибы обрамляли ее красивое лицо. Хоть она и улыбнулась ему, Мак почувствовал, как живот скручивает узлом.

— Мы должны просмотреть больничные записи в поисках мужчины с такой раной, — сказал Мак.

— Он может быть не из Лос-Анджелеса, — сказал Диксон. — Или перенес рану много лет назад, до того, как записи приемных покоев были компьютеризированы.

— Или он мог не обращаться в госпиталь, — добавила Изабель.

— Но мы должны проверить, — сказал Мак. — Мы мало что можем поделать, и у нас нет выбора.

В отличие от случая с Эсме, свидетелей пока не обнаружилось. И Изабель не разрешили прочесть ничего из вещей Анджелы.

Зазвонил телефон Диксона.

— Диксон, — сказал тот, отвечая на вызов. Несколько секунд он слушал, и его темные глаза немедленно сосредоточились на Маке, и Мак почувствовал, как волоски на шее встают дыбом. — Мы сейчас же приедем, — сказал Диксон, с грохотом опуская трубку в гнездо и вставая.

Мак вскочил на ноги, мышцы напряглись, готовые действовать. Изабель тоже встала.

— Госпиталь нашел кое-что на записях камер видеонаблюдения, — сказал Диксон. — Это Анджела.

Прентисс надел наушники новенького стетоскопа на шею Анджелы. Она оставалась привязанной к операционному столу, хотя в этом едва ли была необходимость. Как и с его предыдущими... пациентами... обезвоживание и утомление делали свою работу.

Он выплеснул ей в лицо стакан воды и смотрел, как она реагирует быстрым вздохом, как приоткрываются ее веки. Она медленно попыталась облизать губы и сохранить то небольшое количество влаги, что еще осталось там.

— Посмотри на меня, — приказал он. Ее глаза начали апатично закрываться. Прентисс

нагнулся ниже и ударил ее по лицу, дважды для пушшего результата. — Посмотри на меня! — заорал он.

Ее глаза распахнулись и попытались сосредоточиться на нем. Он слегка отстранился, достал из кармана брюк зажигалку и зажег ее — непростой трюк в латексных перчатках. Он осторожно взял конец стетоскопа за черную резиновую трубку прямо над круглым стальным диском, и поместил его над пламенем. Потом он посмотрел в глаза Анджелы.

— Привет, Изабель, — сказал он, улыбаясь.

Брови Анджелы собрались в кучку.

— Всего лишь небольшое сообщение от меня, — сказал он, приближаясь к лицу Анджелы, — тебе. — Его улыбка резко пропала. — Мне не понравилось, как ты испортила мое время с Эсме, — прорычал он. — Но не беспокойся. У тебя будет шанс загладить вину, — жар от металлического стетоскопа разошелся по его пальцам. — И я скажу тебе, как, — произнес он, отстраняясь. — В следующий раз, — он помедлил для драматического эффекта, — я приду за тобой.

С этими словами он бросил зажигалку на пол и поднял руку Анджелы. Ремни на операционном столе звякнули и натянулись, когда она стала извиваться, но все тщетно.

— Нет! — закричала она.

Прежде чем стетоскоп успел остыть, он быстро прижал диск к ее перевернутой ладони. Плоть зашипела, безумный крик Анджелы эхом прокатился вокруг.

— В следующий раз, Изабель, — проорал он, крепче прижимая металл. — Это будешь ты!

— *Вот*, — сказал Мак, указывая на видео. — Это она, — он стоял возле офицера Дадашьяна, сидевшего за компьютерным терминалом. Мак нагнулся ниже и ближе. — Кажется, она без сознания.

Диксон и Изабель тоже склонились поближе.

— С этого угла, — произнес Диксон, — сказать сложно.

У выхода из госпиталя на парковку камера смотрела из-под потолка.

— Смотрите, что произойдет, — сказал Дадашьян, когда видео продолжило воспроизводиться.

В полной тишине они вчетвером наблюдали за зернистой черно-белой картиной. Хамелеон был одет в белый лабораторный халат поверх слаксов с рубашкой и галстуком. Волосы были седыми, как борода и усы, и он носил очки с толстыми линзами.

Когда он подкатил Анджелу к белому фургону, развернул и поставил колеса на тормоз, стало ясно, что она без сознания — ее голова была пристегнута к подголовнику кресла-коляски. Хамелеон осмотрелся по сторонам, открыл отъезжающую в сторону дверь фургона, а затем расстегнул ремни, удерживавшие Анджелу. Он быстро перекатил ее и воспользовался инерцией, чтобы закатить девушку за дверь и, видимо, на пол фургона.

— Регистрационный номер? — спросил Мак.

— Уже проверяем, — ответил Диксон.

Если чутье ему не изменяло, Мак уже знал, что машина окажется арендованной, заплатили за нее наличкой и показали фальшивое удостоверение личности.

— Он не может забрать кресло-коляску, — тихо сказала Изабель.

Все они наблюдали, как Хамелеон пытается поднять кресло-коляску в фургон, где лежит Анджела.

— Он не продумал все до этого момента, — сказал Мак.

И его план оказался еще наглее.

— Это транспортировочное инвалидное кресло, — сказал Дадашьян. — Оно более массивное и оснащено подголовником. Большинство инвалидных кресел в госпитале — другого типа.

Внезапно Хамелеон выпрямился; в нижнем правом углу компьютерного экрана другая машина свернула и припарковалась рядом с фургоном с водительской стороны. Хамелеон быстро закрыл дверь и убрал кресло-коляску со своего парковочного места.

— Он отказался от своего плана, — сказал Мак, чувствуя, как положение дел начинает меняться в их пользу. — В этот раз все оказалось слишком сложно, — Хамелеон быстро уселся за руль и начал сдавать назад, выезжая из поля зрения камеры. — Хорошая работа, — сказал Мак, хлопнув Дадашьяна по плечу и быстро переключившись на Диксона. — Нам нужно найти это кресло-коляску, — сказал Мак. — Я хочу, чтобы все немедленно занялись этим.

Диксон быстро отошел от них, вытаскивая свой телефон. Дадашьян поднял со стола наушники. Мак повернулся к Изабель и понизил голос.

— А потом мы отведем тебя к этому креслу.

Прентисс немного сочувствовал Анджеле. Он никогда в жизни так упорно не учился, как тогда, когда корпел над теми сведениями по анатомии, которые нашел в сети. Анджела, должно быть, изучала нечто похожее. А ведь это *только касается колена*.

Он подкатил к столу поднос с хирургическими инструментами. Разложенные на покрывавшей поднос белой ткани, они позвякивали и блестели под ярким потолочным освещением операционной. Он надел хирургическую маску, но все равно носил усы и бородку, чтобы оставаться в роли. И конечно же перчатки. Всегда перчатки.

Кожа Анджелы под слепящим светом выглядела болезненно-белой, губы слегка приоткрылись, она дышала часто и прерывисто. Глаза оставались закрытыми, как и у большинства пациентов к этому времени. Несомненно, она будет звать на помощь — поначалу. Он оставался с первыми двумя женщинами, и потом осознал, что связать и засунуть кляп будет достаточно. С Анджелой место было обставлено идеально. Удаленное, изолированное, заброшенное — она могла кричать, сколько ей угодно. Прентисс подарил ей под маской ободряющую улыбку хирурга. Анджела, конечно, не заметила, но это еще не повод небрежно относиться к роли. Вскоре она сыграет свою часть.

Как будто оценивая чужую работу, он проверил инструменты: зажимы, пинцеты, скальпели, расширитель раны, даже шприц, который он изначально использовал, чтобы завладеть ею. Конечно же, введение лекарств уже не имело значения.

— Больше никакого наркоза, — объявил Прентисс, голос его звучал жестко и властно, слегка отдаваясь эхом в пустом помещении.

Хоть многие кафельные плитки на полу разбились или отсутствовали, большая часть стен сохранилась нетронутой. Металлическая панель с кранами возвышалась на дальней стене на уровне головы, здесь так же имелось несколько розеток. Но истинная причина, по которой он выбрал эту комнату — это длинные флуоресцентные лампы над головой. В отличие от практически всего в Линда Висте, они работали. Должно быть, здесь недавно побывала съемочная группа. На мгновение он задумался, в какой части госпиталя снимали пилотный эпизод сериала «Скорая помощь». Должно быть, в этой самой комнате.

Он аккуратно взял скальпель из центра подноса.

— Ладно, коллеги, — сказал он. — Давайте сделаем это.

Хирург никогда не работает один.

Изабель стянула перчатку с указательного пальца. Кресло-коляска нашлось быстро. Как и отметил Дадашьян, оно не относилось к распространенному оборудованию и нашлось недалеко от того места, где оставил его Хамелеон. Должно быть, кто-то просто сдвинул его с дороги.

— Ты уверена? — тихо спросил Мак.

Они немедленно проверили кресло на отпечатки пальцев, но нашли лишь смазанный отпечаток ладони на одной из рельефных ручек за спинкой кресла и частичный отпечаток большого пальца на другой. На видео Хамелеон носил перчатки. Скорее всего, это были отпечатки человека, который закатил кресло-каталку с парковки в здание — возможно, охранника.

Мак приказал всем оставить их одних в ближайшей комнате ожидания. Диксон встал у

входа, чтобы их не потревожили. Он обернулся на них через плечо.

— Да, — сказала Изабель, стягивая остальные пальчики перчатки.

Мак стоял рядом с ней, близко, держа руку на ее пояснице, пока они смотрели на потрепанное и помятое инвалидное кресло. Такой предмет принесет с собой боль, и они оба знали это. Его рука была теплой, прикосновение — мягким. Когда перчатка оказалась снята полностью, Мак обвил рукой ее талию. Изабель посмотрела на его руку на своем бедре и на собственную обнаженную ладонь в считанных дюймах от него.

Прочсть его было бы так просто. Это заняло бы секунду. Диксон у входа изменил позу и осмотрел коридор в обоих направлениях. *Прекрати,* сказала себе Изабель. *Ты здесь не для того, чтобы читать Мака. Сконцентрируйся.*

Сделав глубокий быстрый вдох, она коснулась подлокотника кресла.

Скучающий охранник толкал кресло через автоматическую дверь. От яркого света резало глаза, и она вздрогнула. Кто-то заорал «Мотор!» Дюжина лиц промелькнула мимо. Люди произносили речи. Сильный молодой латиноамериканец приподнял передние колеса, катя кресло только на задних, и поспешил дальше по широкому коридору. Что-то было не так. Ничто не казалось реальным. Изабель ничего не узнала, только автоматическая дверь. Еще больше лиц — улыбающихся, нервничающих, плачущих — пронеслось в торопливом ритме. *Что происходит?* Снаружи госпиталя царилась ночь. Небольшая трафаретная вывеска гласила «Госпиталь Линда Виста». Изабель отпустила подлокотник и сделала шаг назад, прямо в руки Мака.

— Я держу тебя, — сказал он позади нее.

Его руки сомкнулись на ее талии, и Изабель инстинктивно накрыла его руки своими, держась за него, пока серая дымка видения постепенно рассеивалась. Образы в ее голове начали выстраиваться по места. Она быстро повернулась к Маку, руки нашли его плечи, глаза пытались видеть сквозь серый туман.

— Госпиталь Линда Виста, — едва слышно выдохнула Изабель. Когда лицо Мака медленно обрело четкость, его глубокие сине-зеленые глаза уставились на нее. — Оттуда это кресло-коляска.

— *Линда Виста?* — спросил Диксон.

— Вы его знаете? — сказал Мак, резко поднимая взгляд.

— Ну конечно, — ответил Диксон. — Но это не госпиталь. Больше не госпиталь, — Изабель отвернулась от озадаченного лица Мака и тоже посмотрела на Диксона. — Он заброшен. Теперь его используют для съемок фильмов.

Оказывается, коленная чашечка полна артерий. Эсме выжила — как и он сам когда-то — но теперь это никогда не повторится, ведь он стал хирургом.

Живи и учись, подумал Прентисс. Он едва не пожал плечами, но остался в роли и держал плечи неподвижно. Хирург ни за что не приблизился бы к операционному столу, пожимая плечами. Сжав стальную ручку скальпеля так, что латексная перчатка едва не прилипла к ней, он взял инструмент как карандаш и нацелился на коленную чашечку Анджелы.

Огромная бедренная артерия проходила по паху, бедру и ноге, в конце концов разветвлялась и миновала колено. Это было прекрасно — все смотрелось так, как должно

было. Мысленно он представил себе кадр из «Анатомии Грей». Хотя передняя большеберцовая артерия пролегла с задней стороны колена, он начал спереди, как всегда. Это традиция.

Мак чувствовал это костями. Хамелеон будет там.

Темные внедорожники и черно-белые полицейские машины ворвались на парковку, сирены ревели, огни мигалок сияли в сумерках наступавшего вечера. Пустующий госпиталь представлял собой большую территорию. Со странным чувством дежа-вю, Мак выпрыгнул с пассажирского сиденья еще до того, как автомобиль полностью остановился. Не сбиваясь с шага, он проверил вертолет над головой и активировал микрофон на рации.

— Ладно, ребята, — сказал он. — Вы знаете, что делать.

Они обязаны знать. Это уже третий раз за неделю.

— Команда по спасению заложников идет первой, — сказал Мак, медленно поворачиваясь в кругу собравшихся агентов и полицейских, которые его окружили. — Первым делом направляйтесь в операционные, указанные на планах этажей. Потом двигайтесь дальше.

Хотя владельцы Линда Висты немедленно предоставили план здания, который всегда держался наготове для телевизионщиков, они знали помещение наизусть. Все операционные сосредоточены на подземном уровне.

Мак видел Изабель, стоявшую рядом с Диксоном, оба они были одеты в пуленепробиваемые жилеты, как и он сам.

— Полиция Лос-Анджелеса охраняет периметр здания. Никто не входит и не выходит. Давайте найдем ее!

Тела побежали в разные стороны, полицейские машины тоже тронулись с места. Мак махнул сержанту Диксону и Изабель. Как и с Эсме, была возможность, что видение может сообщить важную зацепку по Хамелеону.

— Держите Изабель за собой, — сказал Мак сержанту. — Мы следуем за командой по освобождению заложников.

Это должна быть операционная.

Он нашел секундочку, чтобы встретиться взглядом с Изабель. Ее янтарные глаза оставались ясными, сосредоточенными и напряженно смотрели на него. Быстро кивнув, Мак повернулся и побежал за командой спасения заложников.

Линда Виста могла служить площадкой для съемок фильмов ужасов, подумала Изабель, следуя за сержантом Диксоном. Мак ушел далеко вперед, устремившись по темному коридору. Крики команды по спасению заложников эхом отскакивали от грязного переломанного кафеля. Изабель слышала треск их раций и топот ботинок. Лучи фонариков бешено металась туда-сюда, как будто сотни крошечных поездов сошли с рельсов и рвались вперед.

Хоть Изабель и хотелось быть ближе и видеть, что происходит, Диксон держал перед ней свою длинную руку.

— На таком расстоянии будет лучше, — сказал он. — Мы узнаем все одновременно с ними.

Маленькая рация на его ремне издавала непрерывное стаккато обрывистых

предложений, состоявших в основном из чисел и букв.

Внезапно огни впереди исчезли, вместе с группой переместившись влево. Какофония повышенных голосов эхом раздавалась по коридору, но Изабель не могла разобрать, что они говорят. А когда они с сержантом Диксоном сократили отделявшее их расстояние, воцарилась зловещая тишина. Их собственные шаги громко раздавались в тишине, ее шпильки стучали по пустому коридору, а единственный свет лился от фонарика сержанта. Они приближались к огромному дверному проему, который выглядел так, будто когда-то состоял из двойных дверей. Но как только они подошли, оттуда вышла команда по спасению заложников. Хотя они повернули и продолжили осматривать коридор, что-то в их движениях изменилось. Они пригнулись ниже, не так тесно группировались и держали наготове винтовки. И хотя они двигались с определенной целью, осознала Изабель, проходя дальше во тьму коридора, они не бежали. Они не спешили.

— *Нет*, — пробормотала она.

Как раз когда они дошли до широкого дверного проема, из рации сержанта донесся голос Мака.

— Мы ее нашли. Всем командам, мы ее нашли, — сказал он. — Жертва мертва.

Как только эти слова отложились в мозгу Изабель, перед ней открылась сцена в операционной. Невероятно яркий светильник стоял на металлическом подносе, освещая огромную комнату резким светом.

— *Проклятье*, — в голос выругался Диксон.

— Криминалисты, — сказал Мак, и рация Диксона умножала его голос. — В седьмую операционную. Живо.

Изабель подавила крик, обеими руками зажав себе рот. Глаза Анджелы оставались открытыми, как и ее губы. Ее болезненно-бледное лицо как будто светилось изнутри, губы были такими же белыми. Изабель хотела убежать, оказаться как можно дальше от этого места, но не могла даже отвернуться. Вместо этого ее пристальный взгляд как будто магнитом притягивался к колену Анджелы.

О Боже мой. О Боже мой. О Боже мой.

Мак закрыл ей обзор.

— Тебе необязательно это видеть, — сказал он сухим напряженным голосом. — Ты ничем не можешь помочь.

Колено Анджелы было абсолютно вскрытым, как в классе по препарированию. Кровь заливала всю нижнюю часть тела, наверное, слоем в целый дюйм, поднимаясь почти до низкого металлического бортика операционного стола.

— Сержант, — сказал Мак поверх ее головы, привлекая Изабель в объятия. — Позвоните Шэрон, чтобы она сообщила семье Карасов.

Специальные агенты в костюмах начали прибывать, помедлив в дверях, пока выходил сержант. Мак вывел Изабель из операционной, ее руки все еще прижимались к ее губам. Мимо них прошла команда криминалистов в белых герметичных костюмах. Изабель зажмурилась, но могла видеть лишь безжизненное лицо Анджелы. Мак крепко обнял ее, и она наконец-то оторвала руки ото рта лишь для того, чтобы зарыдать. Она уткнулась в грудь Мака, отчаянно вцепившись в его спину.

— Я знаю, — прошептал Мак.

Ей даже не приходило в голову, что они могут потерпеть неудачу. Сама того не зная, до этого самого момента Изабель представляла себе сцену спасения. Совсем как обнаружение

Эсме, только на ее месте — Анджела.

— Мак, — сказал Диксон. — Думаю, вам стоит это увидеть.

Но Мак не ответил. Он просто держал ее и нежно гладил по волосам и спине. Усилием воли Изабель наконец сумела перестать плакать. Она вытерла глаза и шмыгнула носом, когда Мак ее отпустил.

— Ты в порядке? — тихо спросил он. За ним развивалась какая-то смутная деятельность, и Изабель утвердительно кивнула. — Хорошо, — сказал Мак. — Подожди здесь.

Она снова быстро кивнула. Одна лишь мысль о том, чтобы войти в эту комнату, заставляла ее дрожать. Обняв себя и отодвинувшись подальше от дверей, Изабель нашла ближайшую стену и прислонилась к ней.

О Боже мой, подумала она. Анджела мертва.

Изабель снова вытерла глаза, перчатки промокли от слез. Полицейские офицеры присоединились к группе наблюдателей, замелькали вспышки камер, освещая их лица. Выражения были мрачными, жесткими и неожиданно злыми. И никто из них не отворачивался, в отличие от нее.

Мак пробился через них, покидая операционную и направляясь к Изабель, Диксон следовал за ним. В руке Мак держал большой прозрачный пластиковый пакет с чем-то внутри. Что-то было не так. От напряженного выражения его лица у Изабель скрутился живот, и когда он приподнял пакет, чтобы она могла увидеть содержимое, то от ужаса у нее перехватило дыхание.

Но внутри находился всего лишь стетоскоп. Он выглядел новеньким, металл поблескивал в ярком свете, когда Мак развернул пакет. Но когда показалась тыльная сторона стетоскопа, Изабель осознала, что бумажка внутри не являлась биркой, подобной тем, которые она видела в хранилище улик. На этом клочке бумаги от руки было написано ее имя.

— Что... — начала Изабель, склоняя голову и глядя на это.

— Думаю, он оставил тебе сообщение, — сказал Мак.

Мак наблюдал за лицом Изабель, когда на нее снизошло осознание, и она отшатнулась от пакета. Он *меньше всего* хотел заставлять ее читать этот стетоскоп, но если Хамелеон оставил улику, намеренно или нечаянно, которая могла привести к его идентификации, его *поимке*, тогда это нужно было сделать.

Но Изабель тоже знала это, Мак видел это по ее лицу. Хоть она и прижалась к стене, теперь она вновь шагнула вперед. Поджав губы в тонкую линию, она начала снимать перчатку.

Криминалисты уже определили, что на стетоскопе и бумаге не осталось отпечатков, хотя металлический диск, казалось, был поврежден — как и все в этом месте. На какую бы ошибку Хамелеона не надеялся Мак, особенно учитывая «операцию», оставление отпечатков не входило в его планы. Когда Изабель сдернула перчатку, Мак раскрыл пакетик. Но тот факт, что он специально оставил что-то после себя, стал еще одним признаком, что Хамелеон становится наглым — очень наглым.

Когда Изабель опускала голую руку в пакет, ладонь дрожала. С последним шипящим

вздохом она коснулась одного из наушников. Свет от прожекторов, установленных криминалистами, проливался в коридор и освещал лицо Изабель сбоку. Один ее глаз, ясно видимый Маку, немедленно расфокусировался, как будто она смотрела сквозь его грудь.

Внезапно ее глаза расширились, брови взлетели вверх, рот раскрылся, и Изабель закричала.

— Изабель! — заорал Мак, выдергивая стетоскоп из ее хватки.

Изабель начала падать назад, ее тело заоченело как доска, крик оборвался. Мак швырнул пакет в сторону Диксона и кинулся вперед. Он поймал ее обеими руками, когда она уже вот-вот готова была удариться о стену.

— Изабель! — снова закричал он, опуская ее на пол, ее раскрытые глаза уставились в потолок. — Изабель!

Ее глаза медленно моргнули, и все тело обмякло, голова запрокинулась. Рядом появился парамедик и поддержал ее голову, а Мак бережно уложил ее на пол. Вокруг них начали собираться офицеры и агенты.

— Изабель, — сказал Мак, склоняясь над ней. — Ты меня слышишь?

Краем глаза он заметил, что медик, мужчина тридцати с лишним лет, взял руку Изабель и прощупывает пульс на запястье.

— Не трогай ее руку, — рявкнул Мак, только потом осознав, что мужчина был в латексных перчатках.

— Вот, — сказал Диксон где-то сзади, протягивая парамедику перчатку Изабель. — Наденьте это на нее.

— Мак? — дрожащим голосом прошептала Изабель.

— Я здесь, — отозвался он, беря ее за другую руку и наклоняясь ближе. Ее глаза посмотрели на голос, и когда она моргнула, Мак увидел, как сфокусировался ее взгляд. И сразу же навернулись слезы.

— Что? — спросил он. — Изабель, что такое?

— Он придет за мной, — выдавила она едва слышным голосом. — Я следующая.

Изабель нескоро добралась до душа. Плохо уже то, что она лежала на грязном полу Линда Висты, но ей отчаянно нужно было смыть с себя вонь операционной. Выключив фен, она услышала голос Мака в гостиной. Он почти беспрестанно висел на телефоне: с Беном, с Шэрон, с сержантом Диксоном. Как всегда, он контролировал все и оставался уверенным, хотя явно беспокоился за нее.

Положив фен и посмотрев на свое отражение, Изабель увидела вовсе не свое лицо и даже не лицо Анджелы — это было лицо Хамелеона. Его голос эхом разносился по пустой операционной.

— В следующий раз, Изабель, — орал он, пока по ее ладони распространялась боль, — это будешь ты!

Изабель стиснула запястье, глядя на сжатый кулак, и приказала ему разжаться. Но ее ногти жестко вдавились в ладонь, усиливая боль.

— О боже, — пробормотала она, разгибая каждый палец по очереди. Обе ее руки дрожали.

Изабель наполовину ожидала увидеть там след от ожога, но там были лишь красные отметины от ее ногтей.

— Изабель? — голос Мака раздался вплотную к закрытой двери. — Ты в порядке?

Она слегка подпрыгнула от этого звука.

— Я в норме, — быстро сказала она, натягивая на себя полотенце и надевая свежую пару перчаток, хотя руки все еще дрожали. — Сейчас выйду.

Мак стоял в коридоре и ждал ее. Его взгляд быстро метнулся к полотенцу, подоткнутому на ее груди, но потом тут же сосредоточился на ее руках. Мак нежно взял их в свои ладони.

— С каких это пор «норма» включает в себя дрожащие руки? — тихо спросил он. — Знаешь, нормально быть не в порядке после такого.

Изабель посмотрела на свои руки, стараясь не плакать, но проигрывая битву. Мак положил один палец на ее подбородок и заставил приподнять голову.

— Я только что говорил по телефону с Беном, — сказал он. — Я рассказал ему о нас.

Изабель моргнула и почувствовала, как слезы покатались по щекам.

— Ты — что? — выдавила она.

— Он был не в восторге, — продолжил Мак с натянутой улыбкой. — Но он мне не начальник, и он ничего не скажет моему начальнику — хотя я сам ему расскажу.

Изабель собиралась запротестовать.

— Слушай, — сказал Мак, хватая ее за плечи. — Я не собираюсь больше скрывать наши отношения. Мне все равно, что подумает Бен или ФБР. Ты слишком много для меня значишь.

— Но...

Он прижал палец к ее губам.

— Дело сделано, Изабель, — сказал Мак, и его сине-зеленые глаза спокойно всматривались в ее. Теперь его улыбка была искренней. — И я рад, — его палец легко скользнул по ее губам, медленно спустившись к подбородку, и Мак склонился к ней. — А ты разве не рада?

Даже сквозь слезы Изабель невольно улыбнулась ему.

— Рада, — выдохнула она, и его рука скользнула на ее затылок, а рот нашел ее губы.

В отличие от вчерашнего лихорадочного соития, поцелуй Мака был мягким и медленным. Изабель закрыла глаза, отдаваясь легким как перышко прикосновениям, пытаясь отогнать прочь ужасные образы этого дня. Его губы нежно посасывали ее губки, но когда они переместились на щеки, Изабель знала, что он сцеловывает слезы, которые продолжали катиться. Ощущение было невероятно нежным и почти настолько же опустошающим, как и его остервенелая страсть. А когда его губы плавно вернулись к ее рту, Изабель осознала, что ее нижняя губа подрагивает. Мак, должно быть, тоже почувствовал это, потому что его губы сомкнулись на ней, а руки скользнули по спине, привлекая ее ближе.

У Мака существовало столько сторон: руководящий всем агент; мужественный зверь страсти; анализирующий профайлер; нежный любовник. Мысль о том, чтобы снять перчатки и коснуться его груди, вспыхнула в ее мозгу с силой взрыва. Он рассказал о них Бену.

Разве это не говорит о серьезных намерениях?

И когда язык Мака неспешно погладил ее нижнюю губу, Изабель с неожиданной ясностью увидела, что это не Мак не готов к видению.

Это она не готова.

Кто та темноволосая женщина, наполнявшая его печалью? Действительно ли я хочу знать? Положит ли это знание конец всему?

Вздрыгнув, Изабель осознала, что Мак больше не целует ее, и тут же открыла глаза.

— Ты устала, — тихо сказал он. — Возможно, пора ложиться в постель.

— Нет, — выпалила Изабель громче, чем намеревалась. — То есть, да, — она заставила себя замолчать и сделать глубокий вздох. — Я хочу сказать, да, пора в постель, но не ради сна.

Мак мысленно отвесил себе пинок.

Мне не нужно было позволять Изабель увидеть место преступления.

Она же гражданская, ради всего святого, и он как-то упустил это из вида. И он точно знал, как. Когда она стояла там в одном полотенце, ему требовалась каждая капля его силы воли, чтобы не поднять и не унести ее в спальню. Но Изабель явно тряслась, и не без причины. В ее глазах отчетливо виднелась боль.

Без лишних слов Мак просто обхватил руками ее миниатюрную фигурку, сделавшуюся ниже ростом без высоких каблуков, и прижал к себе. Он поглаживал шелковистые волосы, пока Изабель уткнулась лицом в его грудь и скользнула руками на талию. Он сделал бы что угодно, чтобы унять эту боль. Это взывало к его защитительным инстинктам — к той части, что была хорошо ему знакома.

— То, что ты увидела сегодня, напугало бы любого, — прошептал Мак. — Это естественная реакция.

Несколько секунд Изабель ничего не говорила, но потом ее руки крепче сжали его

талию, и она подняла голову.

— Я боюсь не этого, — прошептала она. — Я боюсь потерять тебя.

Мак нахмурился и отстранился, чтобы увидеть ее лицо. Она снова плакала.

— Изабель, — произнес он. — Как это возможно? Я только что сказал тебе, что признался Бену насчет нас.

В ответ ее руки переместились на его грудь, и Изабель посмотрела на них сквозь слезы. Тоже опустив взгляд, Мак наткнулся на перчатки, которые почти уже не замечал.

Снова перчатки, видения и ее убежденность, что они еще не готовы к этому. Поначалу Мак игнорировал это, видя, как сильно она расстраивается. Что ж, возможно, пришло время решить это раз и навсегда. Но как только по ее лицу снова покатились слезы, а нижняя губа задрожала от эмоций, Мак понял, что сейчас — не лучший момент. По факту, не осталось никаких слов, которых он еще не сказал бы. Вместо этого Мак сделал то, чего хотел с самого начала. Он наклонился и поднял Изабель, чувствуя, как ее руки сжимаются вокруг его шеи, а тело сворачивается на его груди, и отнес ее в спальню.

Хоть Мак опустил ее на одеяло и начал выпрямляться, Изабель его не отпустила. Она вцепилась в него так, будто тонула.

— Не уходи, — прошептала она дрожащим голосом.

— Я никуда не уйду, — сказал Мак, садясь на кровати лицом к ней. — Даже безумные вертолеты полиции Лос-Анджелеса не утащат меня прочь.

Она попыталась улыбнуться его жалкой шутке, но эта кривая попытка лишь подчеркнула то, как ужасно она себя чувствовала. Острый укол боли и сожаления пронзил грудь Мака.

— Изабель, — прошептал он, лаская ее щеку.

Ее рука в перчатке мгновенно накрыла его ладонь, и Изабель склонила голову, прижимаясь к его руке и все равно пытаясь улыбаться. Когда она сделала это, длинные темные пряди ее волос, укрывавших другое плечо, соскользнули с изящного изгиба шеи. Медленно, но уверенно, Мак наклонился к ней и легко коснулся губами ее обнаженного плеча. Он помедлил, ожидая какой-то реакции, но когда ее не последовало, он поднялся к ее шее и снова легко поцеловал. С губ Изабель сорвался прерывистый вздох. Продвигаясь еще выше, Мак позволил кончику языка проложить небольшую дорожку, потом снова помедлил и мягко всосал гладкую как атлас кожу.

— Боже, как приятно, — выдохнула Изабель, ее голос все еще дрожал. И теперь Мак осознал, что все ее тело была легкая дрожь.

И вновь он передвинулся выше, пробуя ее на вкус, чувствуя теплоту под кожей. Изабель склонила голову, чтобы подстроиться под него, и его губы коснулись ее шеи, всасывая предложенную плоть жестким нажимом губ. Мак не торопился, желая, чтобы тихая дрожь ее тела прекратилась. Он двигался медленно и размеренно, и когда с ее губ сорвался очередной вздох, он почувствовал, как часть напряжения покинула ее тело. По одному сладкому укусу за раз Мак поднимался по ее шее к подбородку и наконец к ее губам. Ее полные губки уже приоткрылись, веки опустились, и Мак тремя мягкими и долгими поцелуями коснулся ее рта. Соблазнительно припухшие губки отозвались, целуя его в ответ так же легко, но пытаясь следовать за ним.

Но когда его рука бережно удержала ее лицо, не давая вертеться, его губы скользнули под ее подбородок к горлу. Изабель запрокинула голову, и Мак воспользовался возможностью подобраться еще ближе, позволил рукам скользнуть по ее спине, откидывая ее назад.

Изабель чувствовала теплое дыхание Мака, влажно обдававшее кожу ее груди, пока его рот плавно опускался ниже. Постепенно образы тела Анджелы, воспоминания об ее боли, и даже искаженное гримасой лицо Хамелеона начали блекнуть по мере того, как нескончаемые и настойчивые поцелуи Мака требовали от нее оставаться в реальности. И когда ее сердце забилося быстрее, Изабель знала, что ее тело отвечает на это требование.

Его сильная рука обвилась вокруг ее тела, и Мак наклонил ее еще дальше, затем быстро потянул за полотенце, и Изабель ощутила падение ткани. Прохладный воздух омыл ее тело, но ощущение продлилось недолго, потому что влажный язык Мака быстро нашел путь к ее грудям. Ее тело напряглось от предвкушения, и сосущие укусы его губ вовсе не облегчали ее состояние. Изабель запустила пальцы в его густые волосы, и Мак позволил ей откинуться на кровать. Но как только он забрался вместе с ней на одеяло, и Изабель раздвинула ноги, позволяя его бедрам устроиться меж ее колен, она осознала, что Мак все еще одет.

— Нет, — прошептала она. Его губы тут же прекратили свой нежный массаж, и Мак посмотрел ей в глаза. — Твоя кожа, — сказала Изабель, протягивая руку к первой пуговице его рубашки. — Мне нужно ощутить ее рядом с собой.

Прекрасно изогнутые губы Мака сложились в улыбку, и с последним легким поцелуем прямо в сосок он встал. Изабель ахнула от ощущения, наблюдая, как он раздевается и надевает презерватив. Вершинки ее груди затвердели и покрылись мурашками. Одного лишь его вида — бугры грудных мышц, тугие жилы на бедрах, длинные сильные ноги, выступающая эрекция — было достаточно, чтобы вызвать волну тепла меж ее бедер. Его глаза скользнули по ней, Мак вернулся к кровати и помедлил у самого края. Как будто запоминая ее, он прошелся по каждому дюйму ее тела, и Изабель заерзала под его напряженным взглядом.

Наконец Мак забрался на кровать, и она ощутила между коленей кожу его бедер, покрытую волосками, почувствовала, как его теплая грудь прижимается к ее холмику, а влажные губы накрывают ее грудь прямо над соском. Изабель закрыла глаза от покалывающего ощущения его языка, дразнящего ее, его губ, жадно всасывавших чувствительную плоть. Мак медленно опустился до напрягшейся вершинки, и ее руки стиснули его крепкие плечи. Его язык описал горячий влажный круг вокруг чувствительной горошинки, снова и снова, прикусывая затвердевший сосок. Изабель почувствовала, как ее собственные бедра ерзают против ее желаний. Но когда губы Мака сомкнулись на ноющем центре ее груди, ее бедра содрогнулись, а с губ сорвался прерывистый вздох.

В груди Мака зародилось нечто, напоминающее рычание, поднялось к его горлу и завибрировало в его влажном рту вокруг холмика ее груди. Бешеное покалывание зародилось в набухшей вершинке от электризирующего прикосновения, а другой сосок сочувственно затвердел. Они оба пульсировали желанием, пока Мак посасывал одну горошинку. Он дразнил ее, бережно потягивая. Он сосал измученный сосок, забирая всю подрагивающую вершинку в свой изумительный рот. Изабель извивалась под его весом. Мак помедлил, и весь

ее мир сосредоточился на том, что он сделает следующим.

Его язык легонько коснулся твердого как жемчужина соска.

Изабель застонала, выпуская воздух, который неосознанно задерживала в легких.

Мак снова и снова едва ощутимо ударял языком по соску, то отступая, то возвращаясь, и ее стон превратился в высокое хныканье. Но когда Мак сжал его зубами и слегка прикусил, Изабель быстро выдохнула и бешено выгнула спину, абсолютно не контролируя себя. Вес его груди не давал ее бедрам сдвинуться с места, но она полностью поднялась над кроватью и ощутила, как рот Мака отпустил грудь. Томный стон сорвался с ее губ, и она жестко впиалась пальцами в его покатые плечи.

— На вкус, — хрипло прошептал Мак между ее грудей, — ты так же хороша, — произнес он между лижущими поцелуями и прикусываниями кожи на животе, — как выглядишь.

Его хриплое дыхание омывало ее живот, язык нырнул в ямочку пупка. Ее спина только-только расслабилась, и тут же выгнулась вновь от внезапного вторжения. Его губы были просто невероятными, опускались все ниже, посасывали нежную плоть между ее бедер, прокладывая горячую влажную дорожку к ее холмику, и внезапно Изабель осознала, где все это закончится.

Она слышала об этом, но никто ни разу не касался ее так. Но когда Мак опустился еще ниже, и она раздвинула колени, обхватив его широкую грудь, все ее тело задрожало в предвкушении.

Все началось как нежное касание его языка, такое мягкое, что Изабель почти не осознавала, что он ее касается. Но когда его влажный язык толкнулся в ее сладкое местечко, в ней расцвела отчаянная ноющая боль, какой она не знала ранее. Изабель застонала от невероятного наслаждения, вцепившись пальцами в его волосы. Крошечная плоть там набухла и затвердела так, как ей до сих пор казалось невозможным, и Изабель хрипло втянула воздух ртом. Язык Мака ответил подрагивающим движением прямо по нужному месту, отчего каждый нерв в ее теле вспыхнул пожаром.

— О боже, — Изабель ахнула, задыхаясь, голос превратился в хныканье. — О боже.

Ее бедра задрожали от конвульсий в слишком чувствительном центре. Руки вцепились в одеяло, стиснув его в кулаках. Спина то и дело выгибалась от этой сладостной пытки. Ее холмик пронзило сладкой болью, он пульсировал нарастающим экстазом. Невыносимое удовольствие затопило все тело, нарастая все выше и выше, угрожая забросить ее за грань.

Но когда Мак всосал выступающий и набухший комочек в рот, Изабель больше не могла сдерживать безумные ощущения, вызванные его ласками. Расплавленный жар хлынул в ее сладкое местечко, и она хотела выкрикнуть имя Мака, но с губ сорвался лишь пронзительный жалобный вопль.

Внезапно Мак оказался на ней, его грудь прижалась к ее телу, а его возбуждение тут же толкнулось внутрь.

Мак больше не мог этого выносить. Великолепная фигура Изабель чувственно выгибалась под ним, и его тело больше не могло игнорировать его зов. Нужда быть в ней, коснуться самой интимной ее части, взяла над ним верх. Мучительно медленно, чтобы она могла почувствовать каждый его дюйм, Мак вошел в нее.

Руки Изабель вцепились в его спину, ее естество напряглось, обхватывая его, побуждая войти глубже. Ее бедра выгнулись, чтобы принять его, прерывистые вздохи жаром обдавали его горло, но Мак все равно входил медленно, направляя себя в ее тело, проникая в сладость, которую только что пробовал на вкус.

Узкое и влажное, ее тело обхватывало его, пока они плавно соединялись. Мак опустился на локти, ощущая, как ее набухшие груди вжались в него, а бедра подались навстречу. Лицо Изабель с закрытыми глазами озарилось страстью, приоткрытые губы выражали чувственный призыв. Он возьмет ее, сделает Изабель своей и сообщит об этом всем миру, если потребуется. Его губы сомкнулись на ее губах, пока напряженный ствол плавно погружался внутрь. Ее стон заполнил его рот, губы пульсировали своей жизнью, пока он завладевал ими и посасывал.

Погрузившись в нее до предела, Мак одновременно проник в ее рот языком. Он упивался двойным проникновением, полностью завладевая ею. Ее теплое естество сжимало его напряженную твердую плоть, а бархатистый ротик обхватывал его хозяйничающий язык.

Мак начал плавно выходить из нее, но ноги Изабель быстро обхватили его талию и сжали. Она лихорадочно ерзала под ним, жестко толкаясь тазом. Властная хватка ее бедер, отчаянные движения вокруг его твердого ствола — все это невозможно было игнорировать. Мак погрузился в нее без капли сомнений. Когда его бедра стали жестко вминаться в нее, их губы разомкнулись, и где-то в глубине ее груди зародился хрип. Мак вновь вдолбился в нее, вспоминая поблескивающую влагу, нежные как лепестки цветов складочки, и Изабель опять захрипела от проникновения. Ее податливое тело побуждало его продолжать, заставляя погружаться в глубины ее естества. Он вдолбился в нее раз, другой, третий, и каждый раз Изабель выгибалась вверх, жадно встречая каждый толчок.

— Да, — прошипел Мак, чувствуя, как ее бедра отчаянно стискивают его бока и раскачиваются под ним.

Именно так он хотел ее — открыто показывающую, что она *нуждается* в нем так же, как и он в ней.

Когда спина Изабель выгнулась, чтобы встретить его очередной толчок, Мак подхватил ее и поднял. Ее ноги все еще скрещивались на его поясице, и Мак встал на колени, жестко и быстро двигая бедрами. Удерживая Изабель на месте, он пронзал ее своей плотью, глубоко, мощно, входя по самую мошонку. Ее тело задрожало от сокрушительного проникновения, низкое «ух» сорвалось с ее губ, холмики груди вжались в его торс. Мак погружался в нее, растягивая ее стеночки и содрогаясь от остервенелой нужды обладать ею. И когда ее ноги ослабли, полностью доверяя ему вес ее тела, Мак вновь вдолбился в нее, заставляя Изабель выгнуть спину со стоном, который он едва услышал за ревом собственной крови в ушах.

Желание смешалось с нуждой, его тело слилось с ней, и пока Мак как никогда жестко и глубоко вколачивался в нее, в мозгу пылала лишь одна мысль.

Ты моя.

Изабель опустилась с мощным толчком, отдавшимся в самих ее костях, и каменно-твердая эрекция Мака угрожала разорвать ее надвое.

— Изabella, — застонал он, вновь наполняя ее. — Изabella, — хрипло шептал он, вновь вскидывая бедра.

Насаживаясь на его набухшую плоть как на кол, Изabella отдавалась сладкой агонии, взбурлившей в ее животе. Она стонала и извивалась, но ее тело охотно насаживалось на него вопреки переполнявшему ее ощущению наполненности. Дикая пульсация, которую он вызывал в ее клиторе, не стихала ни на секунду, и теперь, когда ее комочек терся о рельефный пресс Мака и жестко ударялся об его твердый пах, набухшая плоть воспылала новой безумной лихорадкой.

Он снова делал это. С каждым резким ударом бедер Мак усиливал напряжение в ее теле. Изabella жаждала этого и страшилась, но он снова насаживал ее на себя. Она дернулась, застонала, запрокинув голову, но Мак прочно удерживал ее на месте, стальные мышцы обхватывали ее тело, пока она пальчиками хваталась за его спину.

Мак снова и снова вколачивался в нее, с каждым толчком все сильнее, подбрасывая ее все выше, его темп учащался. Жар и фрикции их тел провоцировали трение между ее бедер, вызывая пульсацию в и без того чувствительной плоти. Ее соски царапали его разгоряченную кожу, Мак сохранял свой лихорадочный ритм, и экстаз продолжал нарастать — мучительный, чудесный, достигавший невыносимого уровня.

— О боже, — захныкала Изabella, неровно и хрипло вздыхая.

Внезапно все ее тело содрогнулось в спазме. Цепочка бурных взрывов расколола ее на части, перехватила дыхание и опалила ее естество. Ее бедра хаотичными бьющимися движениями вжимались в него, сминая ее сладкое местечко, грубо ударяя по нему, пока удовольствие не взметнулось ракетой, и Изabella не забилась в пылких конвульсиях.

Плоть Мака тут же отреагировала, еще сильнее разбухнув в ней, и пик ее оргазма достиг масштабов катаклизма. Сотрясающие судороги накатывали одна за другой, угрожая разорвать ее на части. Пульсирующие волны прокатывались по набухшей плоти Мака, и он содрогнулся в ней — раз, потом другой.

— Мак, — попыталась закричать Изabella, но крик застрял в горле, когда он резко насадил ее на себя.

Мак ритмично хрипел, пришиливая их тела друг к другу, ее повторяющиеся конвульсии стискивали его ствол. Изabella невольно вжималась в него, когда волны удовольствия накрывали ее одна за другой — невыносимые, необъятные и прекрасные. Внезапно бедра Мака зашлись в резком стаккато коротких толчков. Теперь Изabella по-настоящему закричала, все тело затряслось в экстазе, стискивая его внутри. Ее ноги упали с его талии, руки обмякли, отпустив спину, и Мак вдолбил ее в последний раз. Он подался вперед, окружая ее всем своим телом и зарываясь лицом в ее груди, забывшись в оргазме.

Ее последние судороги яростно сжимали его член, и сквозь свои хриплые вдохи Изabella услышала, как зашипел Мак. Теперь он полностью удерживал ее вес, и хоть ее голова безвольно запрокинулась, ее бедра не могли остановиться. Они все еще самопроизвольно и беспорядочно толкались навстречу его паху, когда Мак наклонился, и сначала ее плечи, а потом спина и, наконец, бедра коснулись прохладного одеяла. Мак оставался над ней и внутри нее, когда остаточные волны напряженного оргазма заставили ее дернуться еще раз, и она наконец-то легла неподвижно.

Дыхание хрипом срывалось с их губ, но Мак медленно опустил губы к ее уху.

— Я люблю тебя, Изabella, — прошептал он.

Ее отяжелевшие веки тут же распахнулись, она почти не верила услышанному. Мак слегка приподнялся над ней, и Изабель увидела его лицо. Он посмотрел ей в глаза, а потом взгляд тут же опустился к ее губам.

— Я люблю тебя, Мак, — прошептала она почти беззвучно.

Тогда он улыбнулся — и его улыбка настолько преисполнилась счастьем, что как будто осветила погруженную в сумрак комнату. Но секунду спустя Изабель уже не видела этого, потому что Мак крепко обнял ее, и ее руки обвили вокруг его спины. Веки медленно опустились, и она представила себе его улыбку, зная, что она вторит ее собственной.

Электронное письмо от Шэрон едва не заставило Мака сесть на постели, но это разбудило бы Изабель. После двух кошмаров подряд она наконец-то уснула где-то между двумя и тремя часами ночи. Теперь она мирно спала, устроившись на изгибе его руки, тихое дыхание оведало его грудь. Свет в окне говорил о том, что уже наступило позднее утро, но Мак не собирался ее будить.

Он пролистал обратно к началу на небольшом экране телефона и перечитал письмо. Криминалисты нашли на теле Анджели неизвестное вещество, которое пытались идентифицировать. И отпечаток перчатки! Скальпель содержал частичный отпечаток большого пальца. Хамелеон, скорее всего, надел хирургические перчатки, ультра-тонкие и искусно сделанные. Должно быть, он очень крепко стискивал сталь. Отпечаток остался сквозь латекс.

Хамелеон допускает ошибки.

Художники уже работали над рисунком Священника, описаниями из видения Изабель со стетоскопа, и кадрами с камер видеонаблюдения, чтобы составить новую характеристику внешности. Куантико в этот раз пообещали цифровую поддержку. Новости о Хамелеоне распространялись по всему миру.

Куантико, подумал Мак. Дом.

— Я слышу, что твое сердце забилося быстрее, — прошептала Изабель, поднимая на него взгляд. — Что случилось?

Мак положил телефон на кровать.

— Доброе утро, — сказал он, улыбаясь ей. Он убрал несколько прядей с ее лица, и ее сонная улыбка сообщила ему, что она все еще нуждается в отдыхе.

— Доброе утро, — сказала Изабель, проводя рукой в перчатке по его груди почти до горла и спуская обратно. — И ты не ответил на мой вопрос.

Слишком рано говорить о Хамелеоне. Это может подождать. Вместо этого Мак должен был сказать кое-что поважнее.

— Я остаюсь, — сказал он.

— Я надеюсь на это, — сказала Изабель, опуская голову на его плечо и снова водя рукой по груди. — Мы еще даже не позавтракали.

— Я имею в виду, что не вернусь в Куантико, — сказал он.

Ее рука остановилась, и Изабель резко подняла голову.

— Что?

— Я не вернусь в Куантико, — повторил Мак. — Я остаюсь в Лос-Анджелесе.

— Но твоя работа...

— Это поймать Хамелеона, — сказал Мак.

Изабель немного помолчала, а потом по ее лицу расплылась улыбка, как будто его слова наконец-то дошли до нее.

— Ты моя, Изабель, — тихо сказал Мак, обнимая ее обеими руками. — Я не выпущу тебя из поля зрения.

Изабель опустила голову, уткнувшись макушкой в его подбородок и прижавшись лицом к его груди, и в этот самый момент Мак знал, что не потеряет ее. Он не мог. Только не после... Линн.

Продолжение следует...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

notes

M.D. — сокращение от Doctor of Medicine, доктор медицины. Это не является ученой степенью, но отделяет квалифицированных врачей от медсестер и прочего персонала.

Университет Южной Калифорнии

Психометрия — предполагаемая способность сообщать сведения о предмете или его владельце через контакт с ним

KTLA (Пятый канал) — местный канал Лос-Анджелеса, освещающий свежие новости погоду и трафик в городе.

FedEx Corporation — американская компания, предоставляющая почтовые, курьерские и другие услуги логистики по всему миру.